Четверг, 14 ноября 2019 №209
(№6689 с момента возобновления издания)
Цветные тематические страницы №13–28
являются составной частью газеты «Коммерсантъ»
Зарегистрировано в Роскомнадзоре
ПИ № ФС 77-64424 31 декабря 2015 года
Коммерсантъ
в Санкт-Петербурге

Территория комфорта

Guide

ПАРТНЕРЫ ВЫПУСКА

РЕКЛАМА

ЕЛЕНА ФЕДОТОВА,
РЕДАКТОР GUIDE «ТЕРРИТОРИЯ КОМФОРТА»

ЖИВОЙ ГОРОД

В Петербурге новое приживается с трудом. Любой градостроительный проект широкой общественностью критикуется и даже, бывает, блокируется. Не будем вспоминать эти архитектурные яблоки раздора, но каждый петербуржец их знает. Яростные споры идут даже после воплощения проектов, если таковое все-таки произошло. Что, между прочим, развеивает миф о здешней сдержанности и меланхолии. Но если честно, городу не хватает нового и непривычного, говорю как петербурженка в пятом поколении (это для метателей камней в чужие огороды). Рискну утверждать, что решать судьбу нового в моем любимом городе должны, прежде всего, профессионалы: урбанисты, архитекторы, антропологи,— а не широкие народные массы. Тут мне, конечно, возразят, мол, знаем мы этих архитекторов с их новостроем… И скепсис этот чаще всего оправдан. Но город — не застывшая музыка в камне, а живой организм, он меняется, как бы мы к этому ни относились, и это объективная реальность. Как сделать окружающую среду более ориентированной на горожан, как преображать, воссоздавать и с чем расставаться — для ответов на эти вопросы просто необходимы архитектурные, градостроительные и дизайнерские конкурсы с авторитетными в профессиональном сообществе экспертами. Своего рода коллективный разум. Разве есть другие варианты?

Много ли в Петербурге парков? Вопрос риторический. По количеству оазисов в виде садов, скверов и парков город значительно отстает от многих мегаполисов мира. Мало того, зеленые территории продолжают застраиваться, несмотря на протесты жителей. И это тоже проблема. Говорят, понятие парка в СССР испортили в 1930-е годы, добавив словосочетание и функции «культуры и отдыха» с их аттракционами и массовыми затеями. Возможно, тогда это было оправданно. Но сегодня нужны новые объекты, новый дизайн, новый опыт. Эта внутренняя потребность города уже очевидна. И в любом случае деревья лучше домов.

КАК РЕШАЛИ СУДЬБУ ТУЧКОВА БУЯНА

РЕДКО КОГДА ВЫПАДАЕТ ТАКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ — ПЕРЕКРОИТЬ УЧАСТОК В ИСТОРИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ: ПОСТРОИТЬ НОВЫЙ ПЕШЕХОДНЫЙ МОСТ, ОТКРЫТЬ ВИДОВЫЕ ТОЧКИ И ВООБЩЕ ДОБАВИТЬ К ОТКРЫТОЧНЫМ ВИДАМ ПЕТЕРБУРГА ЧТО-ТО НОВЕНЬКОЕ. ПОЭТОМУ БУДУЩИЙ ПАРК «ТУЧКОВ БУЯН» ВЫЗВАЛ ТАКИЕ ОЖИВЛЕННЫЕ ДИСКУССИИ ВО ВРЕМЯ ЭКСПЕРТНЫХ СЕССИЙ. СВЕТЛАНА ХАМАТОВА

Их организовала «КБ Стрелка» совместно с Европейским университетом, чтобы дополнить техническое задание для международного конкурса на ландшафтно-архитектурную концепцию парка. Продюсером круглых столов в Петербурге выступила Дарья Табачникова, руководитель направления консалтинга Miles & Yards, экс-советник вице-губернатора Санкт-Петербурга, основатель общественного проекта «Велосипедизация Санкт-Петербурга».

«ГОРОДСКОЙ КОНТЕКСТ»: СНЯТЬ ПЕТЕРБУРГ С ПАУЗЫ 21 октября состоялась «смысловая» экспертная сессия. Модератором ее стал Борис Юшенков — урбанист, консультант по недвижимости и по проектам создания сообществ, экс-координатор проектов Центра прикладной урбанистики (ЦПУ СПб). Он предложил участникам определить, какое значение имеет парк для города и что можно будет считать удачей проекта.

«Для меня это место, какое бы название ни выбирали эксперты, авторы концепции и местные жители,— это центральный городской парк,— подчеркивает Стив Каддинс, координатор общественного движения «Красивый Петербург», эксперт института дизайна и урбанистики университета ИТМО.— Центральный — локация географическая и культурная. Городской — место для горожан. Парк — не просто зеленые насаждения общего пользования, а трава, кусты и в особенности деревья, которые будут там и через 50–100 лет. Некоторые конструкции в нулевом цикле уже возведены, поэтому серьезный вопрос: как сделать не public space с модными архитектурными объектами, а настоящий парк?»

Иван Уралов, профессор СПбГУ и Академии художеств, решительно настроен убрать рудименты прежних объектов с Тучкова буяна и непременно переделать внешний вид строящегося театра. «Это центр грандиозного города,— подчеркивает он,— имперского Петербурга. Он таковым останется, какие бы современные парки мы бы ни хотели внедрить в центральную часть. Сломать это — как минимум неразумно и как максимум преступно. Кстати, кое-что в этом парке уже исторически запланировано: эта сторона Невы должна была стать зеленым берегом и частью зеленой цепи».

С ним согласен архитектор Ингмар Витвицкий: «Когда мы говорим об "имперскости" Петербурга, то имеем в виду широкие проспекты, большие площади, набережные. Я бы понимал под этим термином то, что город в состоянии посадить сразу большие деревья, чтобы не ждать 50 лет, пока саженцы станут нормальным парком. Пусть огромные зеленые облака прикроют ту архитектору, которая не совсем нам нравится!».

Зеленая картинка выглядит привлекательно, но в любом случае Иван Уралов предлагает не торопиться (полгода — слишком мало для проектирования объекта такого значения и масштаба), а Стив Каддинс предупреждает, что проект потребует работы не только с самим Тучковым буяном: «Это все сплошное пространство: набережная, площадь Лихачева, пересечение Тучкова моста, примыкающие улицы, все, что вокруг — это все этот парк. Я знаю, что юридически это будет невозможно сложно. Не исключаю, что ради этого проекта надо будет менять законы».

При этом на парк делают большую ставку. Яна Голубева, урбанист и директор российского офиса компании MLA+, отмечает: «Я вижу парк „Тучков буян" как место, которое демонстрирует городу и миру современные ценности Петербурга и отвечает на его стремление стать глобальным центром создания и внедрения инноваций, науки, мировой культуры, международного и регионального сотрудничества. Парк должен стать площадкой для экспериментов с природной инфраструктурой, где можно выяснить и показать, как правильно взаимодействовать с водой в городе, с деревьями, сообществами и так далее». Александр Холоднов, соучредитель Института территориального планирования «Урбаника», считает, что за счет Тучкова буяна город должен стать заметнее на международной арене, привлечь внимание IT-гигантов (все-таки рядом СПбГУ, Университет ИТМО) — и инвестиции. Его коллега Федор Коньков, директор «Урбаники», полагает, что Тучков буян — шанс «снять город с паузы», ведь последние большие рекреационные пространства создавались 60 с лишним лет назад, и продолжить успешную парковую практику в других районах. Это, пожалуй, можно будет считать самой большой удачей.

«СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ»: МЕНЬШЕ ТУРИСТОВ, БОЛЬШЕ ТИШИНЫ Следующий круглый стол, 23 ноября, модерировал Олег Паченков, руководитель проектов Центра гуманистической урбанистики «UP» Европейского университета в Санкт-Петербурге. Участники сосредоточились на вопросах, что в парке должно быть, а что нет, и почему.

Ответить «от противного» было легче всего: не нужно дублировать функции соседних территорий, чтобы перенаправить потоки людей на Тучков буян. Скорее, это сам парк придется защищать от большого количества посетителей.

«В этом парке в любом случае будет много людей,— поясняет Стив Каддинс («Красивый Петербург»).— Его местоположение, контекст гарантируют полную загруженность, что бы там ни сделали. И в первые недели и месяцы существования парка эти потоки будут сильно выше. То же „Зарядье" к этому не было готово. Появились протоптанные тропинки, потому что проектировщики не просчитали направления — увы, пешеходов было в сотни раз больше, чем ожидали».

Способы справиться с наплывом посетителей и регулировать трафик называли самые разные: спроектировать на Тучковом буяне серию камерных пространств и разделять потоки людей ландшафтными приемами; открывать парк по этапам, небольшими зонами, чтобы он постепенно и без шума включался в жизнь города; отказаться от проведения массовых мероприятий, в особенности на набережной; ввести, как в Барселоне, пропуск на вход (выдавать его через интернет, бесплатно, но на определенное время, когда загрузка парка высока); сделать парк круглосуточным, переориентировав на ночное время часть дневных посетителей, и прочие.

Но это еще не все проблемы парка. Архитектор Ингмар Витвицкий предупреждает: «Важно, чтобы парк не оказывал негативное влияние на людей, которые живут вокруг. Например, на Большой Конюшенной есть место для музыкантов, а от жителей постоянно поступают жалобы на шум. Не лучше тем, у кого квартиры в домах вдоль Мойки: с каждого парохода тот же шум, музыка, „Посмотрите налево, посмотрите направо". Все это вызывает отторжение».

Итак, эксперты согласились, что на Тучковом буяне не должно быть толпы, если подсветка в ночное время, то мягкая, не тревожащая жильцов окрестных домов, и так далее. Что же вместо? По мнению ландшафтного архитектора Надежды Керимовой, Тучков буян может стать пространством, где люди пассивно проводят время, любуются природой, в том числе зимой, и восстанавливаются. Иван Уралов, профессор СПбГУ и Академии художеств, предлагает восстановить питомник, который был на этой территории когда-то: «Почему бы не соединить его с Ботаническим садом? Это было бы небезынтересным. Зимой, когда четыре-пять часов светового дня, нам не хватает цвета, зелени. У нас есть одна оранжерея — „Таврическая". Если бы еще одна оранжерея появилась в центре города, она была бы воспринята на ура».

«КБ СТРЕЛКА»

ЗНАЧЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БУДУЩЕГО ПАРКА — В СТАДИИ ОБСУЖДЕНИЯ

Мария Тиника, основательница проекта «Деревья Петербурга», предлагает создать парк для одиночек: «Человек и его парк. Я себе вижу это пространство не как точку, а как некий процесс, где человек может побыть один, поговорить сам с собой, подумать, погулять с собакой». Наталья Черейская, директор по развитию НП «Российская гильдия управляющих и девелоперов», вспоминает Аптекарский огород в Москве, с его уединенными оранжереями,— чего-то подобного не хватает в Петербурге. Ольга Грицай, координатор проекта «Дача в городе», эксперт по городскому садоводству, тоже ратует за место для созерцания и питомник: «Молодежь, которая хочет активной деятельности, может поехать и куда-то дальше от центра, и так уже перегруженного. А здесь можно создать что-то для старшего поколения, что-то тихое и мудрое. А по поводу питомника — меня давно эта мысль посещает. Я вижу, что люди готовы заниматься своими дворами, было бы здорово поддерживать их посадочным материалом. Это была бы красивая история о том, как в центре города рождаются саженцы для всех...»

Какие еще предложения звучали на круглом столе? Оборудовать речной вокзал; предусмотреть теплые павильоны для защиты от дождя и ветра, чтобы даже в холодную погоду можно было любоваться природой; учесть категорию малообеспеченных посетителей, которым нужны комфортные бесплатные места, где они могли бы проводить время. Мария Тиника привела данные исследования аудиторий парков в Москве и Казани: более 70% — это люди с доходом ниже среднего.

«НАСЛЕДИЕ»: ГИПХ + ИНСТАГРАМ 28 октября эксперты обсуждали на круглом столе, с каким материальным и нематериальным бэкграундом придется иметь дело при проектировании парка «Тучков буян». Модератором стал архитектор Данияр Юсупов, который уверен, что в каждой эпохе свой взгляд на парки в городе и нам пора выработать свой.

Елена Миронова, главный архитектор Института территориального развития, предлагает отразить в концепции парка «100 лет химии» — целый век на Тучковом буяне работал институт прикладной химии. Разве это не ценное наследие? Другие участники круглого стола развили эту идею до образовательного кластера и Дворца науки и техники, где можно было бы сохранить элементы культуры советских НИИ.

Александр Леонтьев, архитектор ландшафтной студии Derevo Park, рекомендует ориентироваться на молодое поколение: «Почему „Зарядье“ стало популярным? Это инстаграм-френдли парк. У него 12 млн посетителей в год, всех привлекает красивая картинка с моста. Или взять „Новую Голландию“: с точки зрения планировочных решений здесь нет ничего необычного, опять всех притягивает красивая инстаграм-картинка, которая тут получается. Это результат не только архитектурно-планировочной работы, но и маркетинговой. Давайте разбираться, что молодежи нужно от парка еще?»

Также звучали идеи сделать парк инфоцентром и музеем Петроградской стороны; организовать уголок «допетровской» природы — с болотом! — для наглядных уроков краеведения...

CONNECTIVITY: МОСТ И ЕЩЕ РАЗ МОСТ 30 октября эксперты сосредоточились на всех типах взаимосвязей Тучкова буяна и города, которые есть сейчас или только еще должны появиться. Дискуссия, модерировала которую Яна Голубева, урбанист и директор российского офиса компании MLA+, вращалась в основном вокруг транспортных проблем: непременно потребуются перехватывающие парковки, стоянки для туристических автобусов (не нужно делать вид, что этих автобусов около будущего парка не будет!), способы регулировать автомобильный трафик...

Кстати, следует учесть интересы посетителей со средствами микромобильности — самокатами, велосипедами, гироскутерами и так далее. Судя по официальным опросам, уже 5% деловых поездок совершается с их помощью, и этот процент точно вырастет к 2024 году, когда будет достроен парк.

Илья Резник, эксперт по транспорту ИТП «Урбаника», сформулировал ключевое пожелание: «Тучков буян — это, по большому счету, „дырка“, которая отделяет Стрелку от Петроградской стороны. Хочется, чтобы парк обеспечил пешеходную связь от Дворцовой площади до Петроградской стороны, к Большому проспекту, к Большой Пушкарской улице. И также нужно будет переделать узел входа на Петроградку: там удобно съезжать с моста на машине, а как быть пешеходам?»

Архитектор группы «Арка» Кирилл Козлов сразу предлагает строить мост, который свяжет два мощных жилых массива — Васильевский и Петроградский. Тем более что от станции метро «Василеостровская» до «Юбилейного» чуть больше 800 м по прямой, через воду.

Вот еще несколько идей: откопать засыпанные протоки и посадить вдоль них деревья, использовать каналы зимой в качестве природных трасс для тех, кто хочет кататься на коньках; создать новые точки с видом на акваторию (приподнять их на уровень Биржевого моста); построить аквамузей — сделать дно канала прозрачным, разместить у берега под водой смотровой куб, чтобы видеть, как проплывают суда.

«ЗЕЛЕНЫЙ КАРКАС»: ТОЛЬКО НЕ ГАЗОНЫ Финальную экспертную сессию провели 31 октября, ее модерировал Александр Стругач, глава архитектурного бюро Simmetria.

Под «зеленым каркасом» понимают и сеть зеленых коридоров на самом Тучковом буяне, и систему парков и скверов в городе, в которую нужно включить будущий парк. Главное, что это должны быть именно массивы деревьев, кустов.

Любопытный момент: по результатам интернет-опроса петербуржцы больше всего хотели бы видеть на Тучковом буяне бесконечные газоны. Ольга Казакина, ландшафтный архитектор бюро «Александровский сад», категорически против. «Европа отказывается от газонов — это слишком дорого,— объясняет она,— кроме того, за газонами в Петербурге не ухаживают должным образом — это „газоны“ с плешью, вытоптанные. Кусты обойдутся гораздо дешевле, а если посадить их между дорогой и тротуаром, получится естественное заграждение — дети не смогут выбежать на проезжую часть, автомобиль не наедет на пешеходов».

Еще важно: около 30% территории эксперты предлагают отдать под зеленые площади, куда вообще не будет доступа людям.

«Концепция парка в данном случае не должна ограничиваться территорией проектирования,— полагает Стив Каддинс.— Вся история должна быть драйвером для развития города. Развития в сторону большего озеленения наших улиц. Не надо запихивать в эту территорию все подряд, что заберет функции, сложившиеся на соседних территориях. Исключаем дублирование функций и перетягивание их в это место».

«Я думаю, что зеленая зона в центре города как минимум уместна с той точки зрения, что она автоматически по своему расположению будет доступна большому количеству людей, так как центр в принципе насыщен в дневное время… У этого места есть все шансы стать хорошим большим парком, куда не нужно добираться. Поход в который не надо планировать с понедельника на следующую субботу и специально выбирать большой промежуток времени. Туда можно просто завернуть по пути на работу или с работы»,— считает ландшафтный архитектор Николай Осколков.

«Для того чтобы вернуть часть природы, создать зеленый каркас (который может быть отдельным или продолжением остальных, которые здесь неподалеку), нам придется создавать сообщества из растений, животных и так далее… И это задача достаточно сложная: разделить потоки людей и уголки природы, на которые люди будут смотреть, но куда не будут заходить»,— отметил ландшафтный дизайнер Виктор Тропченко.

«На базе этого парка мы можем применить некие технологические решения, которые позволят расширить уличное озеленение на Петроградской стороне… Плюс мы можем создать положительный пример создания большой зеленой точки в центре города»,— сказала Ирина Лысокобылко, ландшафтный архитектор Derevo Park. ■

ИТОГ ОБСУЖДЕНИЙ: ТОП-10 ИДЕЙ

1. Создавать не декоративный «парк-на-крыше», а именно природный парк с полноценной экосистемой.

2. В концепцию должна быть заложена этапность реализации и жизненного цикла парка на ближайшие годы.

3. Высаживать сразу крупномерные деревья, чтобы не ждать десятилетиями, пока они вырастут и сформируются. Если парк должен стать событием, можно себе позволить такой жест.

4. Работать не только на территории Тучкова буяна, но и существенно расширить границы проектирования, включая площадь Лихачева, чтобы обеспечить пешеходные связи с парком.

5. В парке главное ландшафт, а не дополнительные развлекательные и коммерческие функции, привлекающие дополнительные потоки людей.

6. Сделать парк всесезонным, предусмотреть защиту от ветра и непогоды, учитывая климат Петербурга.

7. Предусмотреть при проектировании интересы разных категорий горожан: использующих средства микромобильности; одиноких созерцателей, в том числе с животными; с доходом ниже среднего и нуждающихся в комфортных бесплатных местах.

8. Не забывать об историческом наследии территории и ключевых объектах — например, о питомнике растений: его можно воскресить в виде оранжереи.

9. Парк обязательно должен стать важной частью зеленого каркаса города и дать петербуржцам локацию, где можно свободно выйти к «большой воде».

10. Эти идеи в ноябре будут переданы экспертной комиссии конкурса для дополнения технического задания для конкурсантов. Готовые концепции представят в мае 2020 года, в июне лучшая из них будет презентована на Петербургском международном экономическом форуме.

КОНЦЕПЦИЮ ПАРКА ВЫБЕРУТ ПО ИТОГАМ КОНКУРСА

ГУБЕРНАТОР САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ФОНД «ДОМ.РФ» СОВМЕСТНО С «КБ СТРЕЛКА» ОБЪЯВЛЯЮТ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС НА ЛАНДШАФТНО-АРХИТЕКТУРНУЮ КОНЦЕПЦИЮ ПАРКА «ТУЧКОВ БУЯН» В ПЕТЕРБУРГЕ.

Конкурс проводится по поручению правительства Российской Федерации. Инициатором проведения конкурса выступает правительство Санкт-Петербурга, организатором — Фонд «ДОМ.РФ». Оператор конкурса — «КБ Стрелка», консалтинговая компания. Партнер проекта — Европейский университет в Санкт-Петербурге.

«Тучков буян» станет первым парком с прямым доступом к воде и с нового ракурса откроет панорамные виды на Петропавловскую крепость, здание биржи, стрелку Васильевского острова, Адмиралтейство, мосты и гладь Невы. Благодаря проекту появится непрерывный пешеходный маршрут, объединяющий достопримечательности, пешеходные и зеленые зоны города: от Марсова поля и Летнего сада через Троицкую площадь и Александровский парк. Преобразятся набережная между Тучковым и Биржевым мостами, площадь Лихачева. Парк позволит задать новый уровень ландшафтных и экологических решений в городской среде.

Конкурсная процедура соответствует международным стандартам. Она предусматривает участие экспертов на всех этапах, комплексные исследования и разработку функциональной модели территории, на основе которых создается детальное техническое задание.

В рамках конкурса будет сформирован экспертный совет, члены которого на подготовительной стадии участвуют в формировании технического задания для конкурсантов, а на последующих этапах готовят для жюри экспертное заключение по работам участников.

В жюри войдут представители администрации, специалисты в сфере ландшафтной архитектуры, градостроительства, представители культуры и науки. Профессиональное жюри выберет финалистов и победителя конкурса. Составы экспертного совета и жюри будут объявлены на старте приема конкурсных заявок 15 ноября.

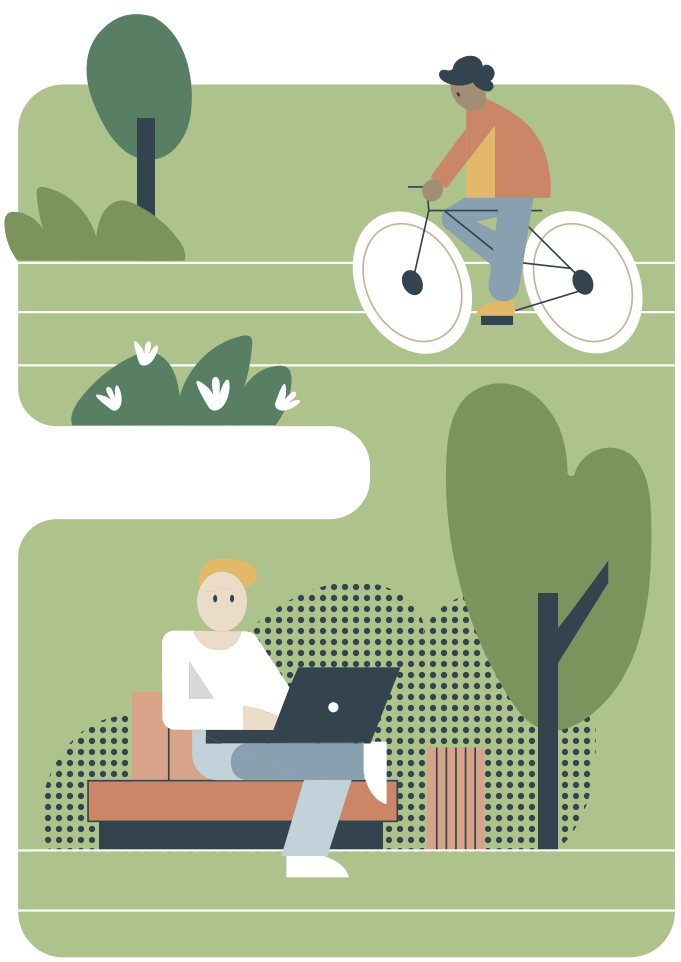
К участию приглашаются российские и зарубежные ландшафтные дизайнеры и архитекторы. Претенденты должны быть зарегистрированы как юридические лица или индивидуальные предприниматели.

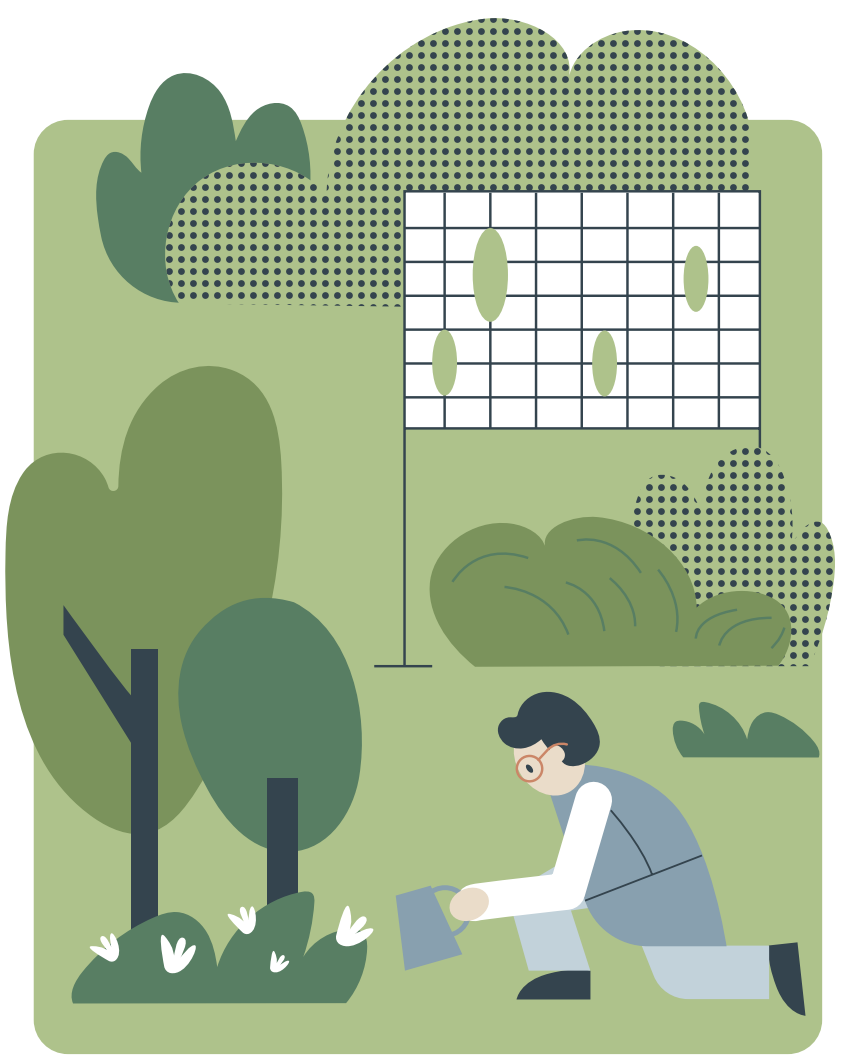
Важное отличие конкурса — в максимально широком охвате профессионалов, в том числе молодых бюро из России. В рамках первого этапа жюри выберет восемь участников. Все участники подают информацию о компании и релевантном опыте в проектировании и реализации общественных пространств. ■

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ

Начало приема заявок на конкурс — **15 ноября 2019;**
Окончание приема заявок на конкурс — **15 января 2020 года;**
Заседание жюри, отбор восьми финалистов — **3–4 февраля 2020 года;**
Разработка конкурсных предложений восемью финалистами — **5 февраля по 15 апреля 2020;**
Посещение финалистами площадки проектирования — **17 февраля 2020 года;**
Заседание жюри — **15 мая 2020 года;**
Объявление результатов конкурса — **3–6 июня;**
Окончание строительства объекта — **2024 год.**
В графике конкурса возможны изменения.

Фонд «ДОМ.РФ»
Фонд «ДОМ.РФ» учрежден АО «ДОМ.РФ» в 2016 году. Одним из основных направлений деятельности Фонда является содействие созданию комфортных условий проживания и формированию благоприятной среды. В соответствии с поручением председателя правительства Российской Федерации Д. А. Медведева и в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» Фондом разработан Стандарт комплексного развития территории — методическое руководство, содержащее рекомендации по разработке и реализации проектов жилищного строительства при реконструкции или освоении застроенных территорий, а также при комплексной застройке новых территорий и благоустройстве открытых общественных пространств. В рамках пилотного применения Стандарта Фондом уже разработаны проекты благоустройства общественных пространств для 46 городов общей площадью свыше 1500 га.





Консалтинговая компания «КБ Стрелка»
Выступила оператором 25 российских и международных архитектурных конкурсов, в которых приняли участие 2500 профессионалов в области архитектуры, градостроительства и ландшафтного дизайна из 50 стран. Большинство проектов реализовано или находится в стадии реализации. В 2013 году организовала и провела Международный конкурс на разработку ландшафтно-архитектурной концепции парка «Зарядье». Парк вошел в список лучших мест мира по версии журнала Time.

Европейский университет в Санкт-Петербурге
Основан в 1994 году. Начинал свою работу как обучающая аспирантура по социальным и гуманитарным наукам (антропология, история, история искусств, политические науки, социология, экономика). Сейчас в ЕУСПб можно учиться не только на шести факультетах, но и по трем международным программам. При университете работают 15 исследовательских центров различной направленности — от проблем правоприменения до гуманистической урбанистики. ЕУСПб стабильно входит в десятку лучших университетов страны в предметных рейтингах научной продуктивности вузов аналитического центра «Эксперт». В 2018 году ЕУСПб получил самый высокий балл по показателю востребованности научной деятельности.

ЧТОБЫ ПАРК СТАЛ СОБЫТИЕМ

НА МЕСТЕ СУДЕБНОГО КВАРТАЛА К 2024 ГОДУ ПОЯВИТСЯ ПАРК «ТУЧКОВ БУЯН». ОРГАНИЗАЦИЮ КОНКУРСА НА РАЗРАБОТКУ ЛАНДШАФТНО-АРХИТЕКТУРНОЙ КОНЦЕПЦИИ БУДУЩЕГО ПАРКА ПОРУЧИЛИ КОНСАЛТИНГОВОЙ КОМПАНИИ «КБ СТРЕЛКА», ИМЕЮЩЕЙ СОЛИДНЫЙ «ПАРКОВЫЙ СТАЖ» И БОЛЬШОЙ ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ АРХИТЕКТУРНЫХ КОНКУРСОВ: 80% ПОБЕДИТЕЛЕЙ ИЛИ УЖЕ РЕАЛИЗОВАЛИ СВОИ ПРОЕКТЫ, ИЛИ ЗАНИМАЮТСЯ ЭТИМ СЕЙЧАС, И ВЫ ТОЧНО СЛЫШАЛИ ХОТЯ БЫ ПРО ОДИН ИЗ НИХ — МОСКОВСКИЙ ПАРК «ЗАРЯДЬЕ». ДЕНИС ЛЕОНТЬЕВ, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР И СООСНОВАТЕЛЬ КОМПАНИИ, РАССКАЗАЛ, КАК С ПОМОЩЬЮ КАЧЕСТВЕННОГО БРИФА МОЖНО ПРИВЛЕЧЬ ЛУЧШИХ АРХИТЕКТОРОВ И СОЗДАТЬ ПАРК, КОТОРЫЙ ВОСТРЕБОВАН ГОРОЖАНАМИ. СВЕТЛАНА ХАМАТОВА

GUIDE: Тучков буян — территория с непростой историей: здесь уже много раз пытались сделать что-то особенное, но не получалось.

ДЕНИС ЛЕОНТЬЕВ: Обычно чем сложнее участок, тем тяжелее его становление в качестве части городского пространства. Такие территории с первого раза не даются — неудивительно, что для Тучкова буяна неоднократно пытались найти новые смыслы. Но мне кажется правильным, что от коммерческого девелопмента сделан большой шаг в сторону развития общественного пространства,— по сути, это возвращение к сильным концепциям, которые обсуждались в конце XIX — начале XX века.

Несомненно, у всех на слуху градостроительные скандалы, которые сотрясали Петербург в последние годы. Тем не менее в городе ежегодно строятся десятки и сотни объектов, которые реализуются без внимания общества, но кардинально влияют на город и качество среды. Хотелось бы, чтобы Петербург не воспроизводил средние проекты образца 30–50-летней давности, а мог создавать качественные здания и общественные пространства. Они могут быть скромными, не вызывающими, но должны быть актуальными и достойно представлять Петербург в плеяде городов Северной Европы.

«МЫ ПОНИМАЕМ, ЧТО ОЖИДАНИЯ ОТ ЭТОГО ПАРКА В ГОРОДЕ ОГРОМНЫЕ. СООТВЕТСТВИЕ ЭТИМ ОЖИДАНИЯМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОЗРАЧНОСТИ ПРОЦЕДУРЫ, КАЧЕСТВА ТЕХНИЧЕСКОГО ЗАДАНИЯ И ПРОЕКТА-ПОБЕДИТЕЛЯ — САМО ПО СЕБЕ ВЫЗОВ. ЧТОБЫ ОЖИДАНИЯ НЕ ПРЕВРАТИЛИСЬ В РАЗОЧАРОВАНИЕ, НЕОБХОДИМО ОСВЕЩАТЬ КОНКУРСНЫЙ ПРОЦЕСС, ВЕСТИ ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ, ВОВЛЕКАТЬ МАКСИМАЛЬНО ШИРОКИЙ КРУГ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ СТОРОН. И ВСЕ РАВНО КРИТИКА НЕИЗБЕЖНА — МЫ ЭТО ПОНИМАЕМ И С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ПРИНИМАЕМ»

G: В этот раз к обсуждению привлекли весь город. Причем, вы начали исследование даже не с Тучкова буяна, а с того, как вообще используются парки Петербурга. Зачем?

Д. Л.: Нам было важно увидеть закономерности в том, как горожане взаимодействуют с общественными пространствами: какие парки используются местными жителями, в какие специально приезжают с другого конца Петербурга; какие парки предназначены для кратковременного посещения, на один-два часа, какие можно назвать парками выходного дня, где посетители проводят от четырех до десяти часов; какие парки или их части сезонные, какие — всесезонные; что именно в парках привлекает и так далее. Все это входит в первый трек исследования, куда включена работа наших партнеров из Европейского университета в Санкт-Петербурге: антрополога Михаила Лурье и социолога Олега Паченкова, руководителя Центра гуманистической урбанистики «UP». Совместно с руководителем Центра городской антропологии «КБ Стрелка», Михаилом Алексеевским, коллеги общаются с жителями, чтобы понять, какая мифология закрепилась за теми или иными пространствами, чтобы случайно не предложить петербуржцам что-то, что будет воспринято негативно.

Мне кажется большим достижением тот факт, что вопрос о том, нужен парк или нет, уже не стоит. Вокруг парка и ради его создания на Ватном острове выросло большое движение. И в этом огромная заслуга Льва Лурье, Марии Элькиной и тех людей, которые вместе с ними на протяжении долгих лет отстаивали эту идею. Мы понимаем, что ожидания от этого парка в городе огромные. Соответствие этим ожиданиям с точки зрения прозрачности процедуры, качества технического задания и проекта-победителя — само по себе вызов. Чтобы ожидания не превратились в разочарование, необходимо освещать конкурсный процесс, вести общественный контроль, вовлекать максимально широкий круг заинтересованных сторон. И все равно

критика неизбежна, мы это понимаем и с благодарностью принимаем. Критика позволяет совершенствовать качество проекта и четче формулировать принятые решения.

G: Например, болото в центре города? На круглых столах эксперты озвучивали и такой вариант.

Д. Л.: Любой эколог вам скажет, что болота (шире — водно-болотные угодья) — важная часть экосистемы. Но за этим предложением я вижу, скорее, идею сделать полноценный природный парк на Тучковом буяне. На это есть запрос и от горожан, никто не хочет «Диво-остров»-2 на этой территории.

Кроме широкого круга людей, мы также работаем с фокус-группами — выбираем отдельные категории горожан и обсуждаем, какие аспекты важны для них. В рамках второго трека мы выясняем позиции экспертного сообщества: собираем мнения профессионалов, которые иногда подтверждают то, что мы уже услышали в ответах горожан, а иногда дают нам что-то новое. Третий трек — это уже работа экспертного совета. В него входят специалисты, которые будут разрабатывать определенные части технического задания на основании всего массива данных, что мы собрали и проанализировали. Они уже будут решать, какой должна быть транспортная схема, какие видовые точки нужно открыть, какие объекты наследия сохранить, какие растения посадить и так далее.

Качество эксперта, как и качество архитектора, не определяется пропиской. В Петербурге достаточно профессионалов высокого уровня, которых необходимо, на наш взгляд, привлечь к проекту. Среди них специалист по наследию Маргарита Штиглиц, антрополог Олег Паченков из Европейского университета, градостроитель Яна Голубева из MLA+ и другие.

Необходима и международная экспертиза в области культурного программирования и устойчивого развития. Для создания сервисной и транспортной модели парка мы приглашаем известных специалистов из компаний Systematica, Barker Langham, Werner Sobek, Boudewijn Almekinders. Экспертный совет конкурса формируется с их участием. В задачи экспертов войдет разработка соответствующих разделов ТЗ, подготовка рекомендаций для жюри конкурса по выбору участников и технический анализ представленных проектов на втором этапе. После отбора восьми финалистов мы планируем провести встречу с широким кругом экспертов, которым небезразличен парк, чтобы они могли донести свои пожелания к разработчикам.

G: И все это — предварительная подготовка, чтобы только составить техническое задание для конкурса?

Д. Л.: У нас это называется «Фаза 0». В целом мы формируем видение территории, формулируем задачи для проектирования, сопровождаем работу архитекторов для того, чтобы это видение было реализовано максимально близко изначальной концепции. Мне кажется, мы первыми в России стали заниматься этим профессионально, сфокусировались на том, чтобы правильно ставить задачи. В Европе, США, Австралии подобный консалтинг сейчас активно развивается, в этом мы их немного опередили. И каждый конкурс для нас — шаг в развитии профессионального сообщества архитекторов и здорового архитектурного рынка в России.

G: А что конкретно дает глубокая подготовка, можно ожидать, что результаты будут лучше, чем обычно?

Д. Л.: Чтобы в конкурсе приняли участие лучшие архитекторы, нужно, чтобы бриф был для них интересен. Некачественный бриф формата «сделайте нам проект музея на сто тысяч квадратных метров за две недели» только отталкивает. Профессионал, который ценит себя, хочет по брифу увидеть, что клиент серьезно относится к задачам, что проект нужен не для галочки и впоследствии будет реализован — все-таки у нас конкурс не идей, а решений. Проведенные нами полевые исследования, публичные консультации, экспертные сессии должны показать серьезность наших намерений.

Также для известных архитекторов важно понимать, кто будет в жюри, кто станет оценивать их работу. На сегодняшний день жюри находится в процессе формирования. Фамилии я пока не готов назвать, но, например, совершенно точно среди членов жюри у нас будут ландшафтные архитекторы международного класса, специализирующиеся на североевропейских парках. Я всегда говорил, что Петербург — главный город Северной Европы, поэтому ему нужен парк, который станет событием, прозвучит. Почему нужны специалисты именно по этому региону? Это очевидно: Лондон, Копенгаген, Гамбург — города-лидеры мировых рейтингов по качеству жизни, и Петербург должен занять среди них достойное место. Ориентироваться на Шанхай или Сингапур или конкурировать с ними было бы странно. Также в жюри войдут российские и петербургские архитекторы, которые знают, как у нас строить, представители властей, которые гарантируют, что проект будет доведен до реализации, лидеры общественного мнения. Такое жюри сможет обеспечить комплексный анализ проекта не только с эмоциональной точки зрения, но и с точки зрения бюджетов, сроков реализации и так далее.

G: Говоря о бюджете: будете заманивать архитекторов гонорарами?

Д. Л.: В мировой практике участникам архитектурных конкурсов выплачивают от 30 до 300 тысяч долларов. У нас определена сумма, достаточная для подготовки качественной концепции в течение 2,5 месяцев. Важный момент: мы сохраняем исключительные права за архитектором. В России редко так делают, хотя это норма для всего цивилизованного мира. Что это означает для архитектора? Автора проекта не смогут отодвинуть в сторону и реализовать идею без него, возможно, более дешевыми материалами и средствами. И это тоже гарантия для известных архитекторов, которые, конечно, хотят получить заказ на воплощение своей концепции и увидеть результат.

За последние 20 лет архитектурные вузы в Петербурге окончили более 2000 человек. К сожалению, никому из них не удалось составить конкуренцию тем бюро, которые сейчас на слуху в Петербурге. И это не вопрос таланта. Так получилось из-за закрытости рынка. Я надеюсь, что в рамках конкурса мы дадим возможность новым именам заявить о себе на архитектурной карте Петербурга. В Голландии есть город Роттердам, который, не будучи столицей, является местом, где создаются самые инновационные проекты и компании в архитектурном мире. Петербург может стать для России такой лабораторией новых архитектурных имен. Для этого нужно проводить больше архитектурных конкурсов с большим количеством участников и создавать возможности для реализации их проектов не только в центре города, но и на периферии. Поэтому к участию в конкурсе будут допущены не только именитые бюро с большим портфолио, но и команды молодых архитекторов.

G: Давайте поговорим о результатах. Вы участвовали в перезапуске парка Горького в Москве: что получилось, что нет?

Д. Л.: В парке Горького мы работали с командами Сергея Капкова и Ольги Захаровой. Первой задачей было вернуть посетителей в парк, где на тот момент был платный вход, запрещено лежать на газонах и так далее. На мой взгляд, получилось актуализировать это общественное пространство и сделать его востребованным у горожан.

Вторая задача, над которой работало очень много людей,— доказать, что лето москвичи проводят не только на дачах, а зимой — дома, на кухне, напротив, они пользуются общественными пространствами круглый год. Сейчас это очевидно, но десять лет назад приходилось бороться с этим мифом. Кстати, то же самое мы слышим в Петербурге: зимой холодно, сильный ветер, темнеет рано, в парках мало посетителей... Мне кажется, что это скорее зависит от того, применили ли вы все возможные решения, обеспечивающие всесезонную эксплуатацию. Возвращаясь к парку Горького: его удалось включить в большую природную систему — рекреационную зону в центре города. В результате появился городской променад от «Зарядья» через Болотный остров, затем на Крымскую набережную, после в парк Горького, а дальше в Нескучный сад и до Воробьевых гор. Что не совсем получилось — не завершено формирование ландшафта, но это долгий процесс, тянущийся десятилетиями, он требует серьезной, кропотливой, профессиональной работы. Возможно, мы все это еще увидим.

G: Вы упомянули «Зарядье», а именно с ним будущий парк «Тучков буян» чаще всего сравнивают. Какие ключевые задачи решали там?

Д. Л.: Первая — убедить, что не нужно называть эту территорию «парк „Россия“». Мы хотели, чтобы парк ассоциировался с Москвой, был интересен именно горожанам, поэтому название выбирали локальное. Вторая задача — не допустить превращения парка в огромный торговый центр. В нем могут быть сервисные функции, но парк — сам по себе ценность, без дополнительного магнита притяжения. Добились и того, и другого, и это большая победа. Что еще получилось? «Зарядье» должно было отличаться от парка Горького. Мы проанализировали Красную площадь, Лубянку, потоки посетителей — и ориентировали архитекторов на формирование парка краткосрочного пребывания. За один-два часа здесь можно увидеть Москву от башен Кремля до высоток. В столице нет другого такого места, где еще за один раз можно охватить взглядом столько эпох, слоев архитектуры — вся Москва вокруг стала музеем под открытым небом.

ТОП-5 АРХИТЕКТУРНЫХ КОНКУРСОВ ОТ ОПЕРАТОРА «КБ СТРЕЛКА»

1. Конкурсы на разработку архитектурных концепций временного павильона летнего кинотеатра музея современного искусства «Гараж», 2018 (реализован в 2019 г.), 2019 (реализация — в 2020 г.).

2. Национальный архитектурный конкурс на разработку концепций благоустройства ключевых общественных пространств в 15 городах России, 2017 (реализуется с 2017 по 2024 г.).

3. Международный архитектурный конкурс на разработку концепции нового здания Центра нанотехнологий Тель-Авивского университета, 2016 (реализация — в 2021 г.).

4. Международный конкурс на ландшафтно-архитектурную концепцию парка «Зарядье», 2013 (реализован в 2017 г.).

5. Конкурс на разработку рамочной концепции развития Парка им. Горького, 2012 (реализуется по наст. вр.).

G: Скоро мы узнаем, какие концепции предложат для Тучкова буяна. Что обязательно нужно учесть при проектировании?

Д. Л.: В Петербурге существует запрос на индивидуальное взаимодействие с ландшафтом. Нам кажется важным сделать такой парк, где каждый найдет то, что ему нужно. Парк с ландшафтными зонами и доступом к реке, которую непременно нужно включить в границы проектирования. При этом важно не перегрузить территорию и раскрыть новые виды на город. Это основополагающие вещи, даже банальные. Остальное узнаем по ходу конкурса. ■

«ЗА ПОСЛЕДНИЕ 20 ЛЕТ АРХИТЕКТУРНЫЕ ВУЗЫ В ПЕТЕРБУРГЕ ОКОНЧИЛИ БОЛЕЕ 2000 ЧЕЛОВЕК. К СОЖАЛЕНИЮ, НИКОМУ ИЗ НИХ НЕ УДАЛОСЬ СОСТАВИТЬ КОНКУРЕНЦИЮ ТЕМ БЮРО, КОТОРЫЕ СЕЙЧАС НА СЛУХУ В ПЕТЕРБУРГЕ. И ЭТО НЕ ВОПРОС ТАЛАНТА. ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ ИЗ-ЗА ЗАКРЫТОСТИ РЫНКА. Я НАДЕЮСЬ, ЧТО В РАМКАХ КОНКУРСА МЫ ДАДИМ ВОЗМОЖНОСТЬ НОВЫМ ИМЕНАМ ЗАЯВИТЬ О СЕБЕ НА АРХИТЕКТУРНОЙ КАРТЕ ПЕТЕРБУРГА»

↑

ВОДЫ И ЗЕЛЕНИ МНОГО НЕ БЫВАЕТ

ПРИ СЛОВЕ «АНТРОПОЛОГИЯ» БОЛЬШИНСТВО РОССИЯН СРАЗУ ПРЕДСТАВЛЯЮТ ИЗМЕРЕНИЕ ЧЕРЕПОВ, ТОГДА КАК РАЗЛИЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭТОЙ НАУКИ ИЗУЧАЮТ ЧЕЛОВЕКА НЕ ТОЛЬКО С ФИЗИЧЕСКОЙ, НО И С СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. О ТОМ, ЗАЧЕМ НУЖНО «ГОРОЖАНОВЕДЕНИЕ» И ЧЕМ ПЕТЕРБУРЖЦЫ СМОГЛИ УДИВИТЬ МОСКОВСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ, РАССКАЗЫВАЕТ РУКОВОДИТЕЛЬ ЦЕНТРА ГОРОДСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ «КБ СТРЕЛКА» МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВСКИЙ. ВЕРОНИКА ЗУБАНОВА

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МИХАИЛА АЛЕКСЕЕВСКОГО

GUIDE: Чем занимается городская антропология?

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Если в целом антропология — это «человековедение», то городская антропология — «горожановедение». Это направление социокультурной антропологии занимается изучением жизни человека в городе, особенностей восприятия им городского пространства. Наш Центр городской антропологии (ЦГА) проводит в этой области прикладные исследования, результаты которых потом используются при разработке проектов городского развития. Наша задача — изучить, как люди воспринимают городскую территорию, которую предполагается развивать, какие достоинства и недостатки выделяют, какие запросы и потребности существуют у основных категорий пользователей города.

G: Изучить восприятие? Какие методы применяют городские антропологи?

М. А.: Первое, что приходит в голову, если мы говорим о социальных исследовании горожан,— это социологический опрос. Но в тех случаях, когда речь идет о проектах городского развития, это не самый продуктивный путь. Человек хорошо отвечает про настоящее и склонен рефлексировать по поводу прошлого, а в историях про будущее его ответы обычно малоубедительны, вроде «давайте, чтоб почище, и цветочков посадим». Поэтому городские антропологи действуют по-другому: их основной метод — не опросы, а глубинные интервью. Не вопросы с четкими формулировками ответов (да, нет, затрудняюсь ответить), а своеобразный «разговор по душам», который может длиться часами. И цель этой беседы — не столько узнать, чего люди хотят в будущем, сколько понять, как и что они делают в настоящем, что им нравится и не нравится. Если говорить о парках, то вопрос будет не «что бы вы хотели благоустроить в этом парке», а «расскажите, как вы вообще ходите в парк: как часто, зачем, что вы там делаете, тратите ли деньги, пользуетесь ли общественным туалетом» и так далее.

G: И что это дает?

М. А.: Подробное описание с субъективными эмоциональными оценками — это очень ценный материал, который позволяет определить ценности опрошенных людей и существующие проблемы исследуемого городского пространства. Результаты этих исследований используют наши коллеги: архитекторы, градостроители, планировщики.

G: Каким образом?

М. А.: Люди, профессионально занимающиеся вопросами городского развития, зачастую недостаточно хорошо понимают потребности тех, чья жизнь изменится после реализации того или иного проекта. Исследования нашего центра позволяют изучить ценности повседневной практики будущей целевой аудитории проекта, то есть людей, которых он непосредственно затронет. Результаты этих исследований помогут проектировщикам продумать решения, которые максимально учтут эти запросы.

G: Для каких проектов проводятся подобные исследования?

М. А.: Для самых разных: от благоустройства районных скверов до стратегий пространственного развития для целых городов. Главное — они проводятся еще до начала проектирования. Использование антропологических исследований в предпроектных заданиях — новый опыт для России. Когда мы около шести лет назад начали внедрять эту практику, то натыкались на непонимание: «Зачем вообще это надо, мы прекрасно жили и без этого». Сейчас инвесторы, которые сталкиваются с результатами нашей работы, говорят: «Как мы раньше обходились без них?» Действительно очень удобно, когда тебе на блюдечке с голубой каемочкой преподносят знания о том, как все устроено: что для людей важно, что нет, на что стоит опереться, а что, наоборот, скрыть.

G: А если речь идет о конкурсах?

М. А.: Залог качества конкурса — это техническое задание (ТЗ). Мы привыкли рассматривать его как технический документ, где есть карты, схемы, немного общих пояснений и указаний. Но когда ТЗ для архитектора столь кратко и расплывчато,— результаты, как правило, тоже получаются не очень впечатляющими. У архитектора просто нет времени и сил разбираться в нюансах, которых на самом деле очень много.

Мы знаем массу историй, когда архитектор придумал невероятно красивую концепцию, а потом… Гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Чтобы не забыть про овраги, нужно создать качественное, максимально детализированное и проработанное ТЗ. И наряду с техническими особенностями участка «зашить» в него результаты антропологического предпроектного исследования — подробное объяснение того, что касается локальной идентичности территории, ценностей и запросов разных типов пользователей. Это особенно важно, если конкурс международный: для иностранных участников ТЗ — единственное, на что они реально могут опираться.

G: Какие проекты были реализованы по этой схеме?

М. А.: Один из самых первых — московский парк «Зарядье», он в рекордные сроки вошел в перечень новых достопримечательностей столицы — мест, которые обязательно нужно увидеть. Кроме того, отчасти благодаря нашим антропологическим исследованиям (в рамках проекта «Моя улица») Тверская улица вновь обрела деревья. Исследования показали, что для жителей их потеря была невероятно болезненной, и мы сумели (хотя коммунальщики были настроены крайне скептически) добиться их появления. Теперь каждый раз, проходя по Тверской, я испытываю чувство гордости.

G: И все это — на основе интервью?

М. А.: Глубинные интервью — основной метод. Но в городской антропологии используется довольно широкий арсенал методов. Например, метод включенного наблюдения. Изначально он появился во время колониальной антропологии, когда исследователи в течение длительного времени жили в племенах. Известно, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Но еще лучше, чем сто раз уви-

деть,— один раз пережить на собственной шкуре. Антропологи очень активно этим пользуются.

Если хочешь изучать парк, надо пойти в него, попробовать там поесть, покататься на аттракционах, сходить в туалет, назначить свидание и так далее — при этом, как исследователь, ты постоянно рефлексируешь свой опыт.

G: Результат такого исследования вряд ли можно назвать объективным.

М. А.: Нельзя городские исследования строить исключительно на этом методе, но когда мы, например, работаем в других городах и странах, очень важно вжиться в непривычную среду, насколько это возможно, и на своей шкуре прочувствовать специфику местной жизни. Это особенно актуально в эпоху глобализации, когда нужно понимать специфику абсолютно другой культуры.

G: Ну, Петербург для москвичей все-таки не настолько «другая культура».

М. А.: Тем не менее петербуржцам удалось нас удивить. Еще одно направление, которым мы занимаемся,— цифровая антропология. Моя коллега Дарья Радченко разработала методологию анализа «цифровых следов», которые каждый из пользователей оставляет в сети: текстов, фотографий, лайков, комментариев, репостов и прочего. Эти исследования многое позволяют понять о повседневных практиках горожан того или иного города. И недавно было проведено небольшое пилотное исследование по паркам Петербурга. Оказалось, что петербуржцы очень большое внимание уделяют воде, хотя, казалось бы, воды в Северной Венеции и так много.

G: Воды много не бывает.

М. А.: Да, для петербуржцев именно так. Если в парке есть фонтан или пруд, фотографий с ними будет больше, чем, например, с дворцом, который находится рядом.

G: Что еще удалось узнать?

М. А.: Что зелени в общественных пространствах тоже слишком много не бывает. Но эта история универсальна для России. Интересно другое: согласно исследованиям, у петербуржцев довольно востребованы активные формы досуга в парках, но почти нет (по сравнению с другими городами) традиционных — например, полежать на травке. Таковы результаты предварительного исследования. И учитывая, что цифровая антропология не столько отвечает на вопросы, сколько порождает их, хочется спросить: почему так? Это горожанам не нужно или в петербургских парках нет для этого условий?

G: И кто ответит?

М. А.: Ответ на этот и многие другие важные вопросы будут искать наши коллеги из Европейского университета Санкт-Петербурга. В Северной столице одна из самых сильных научных антропологических школ, в том числе с богатым опытом прикладных исследований по городской антропологии. И когда стало известно, что «Стрелка» организует конкурс на архитектурную концепцию парка «Тучков буян», у нас не возникло вопроса, кто будет проводить предпроектные исследования. Было бы довольно нелепо, если бы мы из Москвы пытались разобраться в том, что думают петербуржцы про свои парки. Конечно, это будут делать петербургские антропологи. Они уже начали работу — и, насколько я понимаю, первые результаты вот-вот должны появиться. ■

КАК ВСЕ ПРЕВРАТИТСЯ В КУРОРТ

ЕСЛИ ВЫ ПОСМОТРИТЕ НА МИРОВЫЕ ПРОЕКТЫ БЛАГОУСТРОЙСТВА, ТО УВИДИТЕ: ВСЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ОСТРОТУ ГОРОДА ЭЛЕМЕНТЫ — КАНАЛИЗАЦИЯ, ОТОПЛЕНИЕ, ВОДОПРОВОД, МЕТРО, МИЛЛИОНЫ КИЛОМЕТРОВ ПРОВОДОВ, АВТОМОБИЛИ, ГРУЗОВИКИ, СКЛАДЫ, БОЛЬНИЦЫ, МОРГИ, МИЛИЦИЯ, ВОЕННЫЕ,— ВСЕ ЭТО СПРЯТАНО КУДА-ТО В ГЛУБИНУ, ПОД ПОВЕРХНОСТЬ, ЗА СТЕНЫ. НА ПОВЕРХНОСТИ ОДИН СПЛОШНОЙ ПАРК, ПАРК-УЛИЦА, ПАРК-ПЛОЩАДЬ, ПАРК-ПЕРЕУЛОК, ПАРК-КВАРТИРА. ГРИГОРИЙ РЕВЗИН (ЖУРНАЛ «КОММЕРСАНТЪ WEEKEND», № 33 ОТ 04.10.2019)

Сегодня более или менее понятно, как делать современную улицу. Прежде всего надо убрать с нее транспорт, чем больше уберете, тем лучше, улица — это не дорога, заехавший туда автомобиль должен чувствовать себя неловко. Взамен нужно максимально расширить тротуар. Но голый тротуар — это совсем не то, что нужно современной улице, напротив, он должен быть заполнен самыми разнообразными вещами. Вообще улица должна быть не местом для движения, а местом для пребывания. Все первые этажи домов, выходящих на улицу, должны быть частью уличного пространства, в каждую дверь можно зайти, в каждое окно посмотреть и обнаружить там картину привлекательную, развлекательную или хотя бы назидательную. Подойдут кафе, рестораны, магазины, выставочные залы, дизайнерские или архитектурные бюро. Кафе и рестораны, разумеется, должны выплескиваться на улицы столиками. На улице принципиально озеленение, не только деревья, а и трава, где можно. Последнее время стало модно пускать по улице искусственные речки, ручьи, делать небольшие озерца, можно с фонтанчиками. На улице должен быть спорт — скейты, велосипедные, беговые дорожки, иногда площадки для воркаута. И, разумеется, где-то должны появляться городские амфитеатры для собраний, лекций, интеллектуальных игр. Иначе говоря, улицу нужно делать как парк.

Сегодня более или менее понятно, как делать современную площадь. Она ни в коем случае не должны быть большой и открытой, как перед советским райкомом, и, разумеется, на ней не должно быть парковки. Вообще очень большая площадь — это свойство города прошлого, города масс, они создавались для демонстраций и военных парадов. Площадь должна быть небольшой — это городская гостиная, и устроена она должна быть как гостиная буржуазного дома XIX века с крайне дифференцированным пространством: тут ломберный столик, тут диванчик, тут зимний сад, тут фортепьяно, тут столики для чтения, тут для игр. На площади должны быть кафе и рестораны, островки зелени, озерца с фонтанчиками, амфитеатры для собраний, интеллектуальных игр и живой музыки. Но, конечно, к этому должен добавляться спорт. Стоит заметить, что лавочки на площади — это вовсе не место отдыха для усталого пешехода, у них совершенно другая функция, это то же, что диваны в гостиной — место для проведения времени.

Сегодня еще не вполне понятно, как должен быть устроен внутри дом будущего, в особенности многоквартирный. Но вполне понятно, как он должен выглядеть снаружи. Это должен быть вертикальный парк. Дом должен со всех сторон быть окружен балконами, гораздо большими по размеру, чем сегодня, поскольку они должны нести тонны земли и в них должны расти деревья. От этого дома теперь приобретают некоторую пирамидальность, чтобы деревья одного этажа не мешали деревьям предыдущего, кроме того, возникают некоторые проблемы с освещением, но модный проект дома, не обросшего зеленью, сегодня просто непредставим. → 23

АЛЕКСАНДР ПЕТРОСЯН

КОМФОРТНАЯ СРЕДА В ГОРОДАХ БУДУЩЕГО ПОКА ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВЕСЬМА РАСПЛЫВЧАТО

MY YARD ДЛЯ ПЯТИ МИЛЛИОНОВ

ВАДИМ БАСС — ИСТОРИК АРХИТЕКТУРЫ, КАНДИДАТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЕСЛИ ВЫ ЗАХОТИТЕ ПРОЧИТАТЬ В «ВИКИПЕДИИ» ПРО ТУЧКОВ БУЯН, ТО БОЛЬШИНСТВО ССЫЛОК БУДЕТ НА ЕГО РАБОТЫ. ОН ЗАНИМАЛСЯ ИСТОРИЕЙ ЭТОЙ ТЕРРИТОРИИ ЕЩЕ ДО ТОГО, КАК ВЕСЬ ГОРОД РИНУЛСЯ ПРИДУМЫВАТЬ НАЗВАНИЕ ДЛЯ БУДУЩЕГО АРТ-ПАРКА И ГОЛОСОВАТЬ ЗА ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ. МЫ БЕСЕДУЕМ О ТОМ, КАК ЖЕ ТАК ВЫШЛО, ЧТО УЖЕ ТРИ ВЕКА В ЦЕНТРЕ ПАРАДНОГО ПЕТЕРБУРГА — СЛЕПОЕ ПЯТНО. СВЕТЛАНА ХАМАТОВА

ЕВГЕНИЙ ПАВЛЕНКО

GUIDE: Пожалуй, это главный вопрос. Знаю, что вы летом даже экскурсию проводили: «Тучков буян: слепое пятно Петербурга». Так почему же эта территория оказалась такой... недоосвоенной?

ВАДИМ БАСС: В какой-то мере это наследие петровской логики проектирования Петербурга: Петр, отчасти с оглядкой на Амстердам, спокойно сочетал парадные здания и утилитарные, поэтому тут у нас дворец, а через дорогу — судоверфь. Потом это стало традицией, и к началу XX века Петербург представлял собой сумму города-дворца и города-сарая. А дыра оставалась и всех беспокоила. Вдобавок изначально там было пять островов, их по очереди присоединяли к материку, засыпая протоки, за исключением Ватного острова: он принадлежал министерству внутренних дел и город не мог с ним ничего сделать. С конца XIX века возникало много вариантов того, как использовать пространство Тучкова буяна, начиная с идеи нарезать строительные кварталы. В 1912 и 1913 годах организовали два конкурса на выставочный городок, где были бы здания и собственно для выставок, и для съездов, и музеи, и испытательные лаборатории и так далее. Ничего, в общем, из этого не вышло. Еще на рубеже веков там появилась большая краснокирпичная постройка — казенный винный склад и спиртоочистительный завод, в советское время — ГИПХ, институт прикладной химии... и вот оно, слепое пятно: вы смотрите в ту сторону и не видите ничего сопоставимого по качеству с остальной панорамой. Провал, который вы просто привыкли не замечать.

G: Какая-то плохая история у этого места, даже конкурсы не помогли.

В. Б.: В утилитарной, складской части этой истории ничего плохого нет. Приспособление промышленной архитектуры под новые нужды — важная составляющая современной работы с историческим наследием. А не получалось что-то сделать каждый раз по «объективным» причинам. Возьмем конкурс 1913 года — самый интересный и сильный с точки зрения архитектурных решений. В Петербурге планировалось провести две всероссийские выставки, поэтому на Тучковом буяне и собирались построить выставочный городок. Участвовали проекты Ивана Александровича Фомина, Оскара Рудольфовича Мунца и Михаила Хаимовича Дубинского — это все первоклассные архитекторы. Но планы нарушила Первая мировая война, потом — революция и так далее.

G: На круглом столе «Наследие» обсуждали, как прошлое этой территории может определить ее будущее. Получилось нащупать ориентиры?

В. Б.: Я, честно говоря, осторожно отношусь ко всем этим историям с памятью места: это дает архитектору начальный набор элементарных метафор, которые чаще всего отрабатываются не так глубоко, как хотелось бы, примерно на уровне «был Голландский островок, давайте сделаем что-то про Голландию».

G: Тогда, возможно, стоит отталкиваться от функции этого места?

В. Б.: Я не социолог, не урбанист, мне сложно представить, с помощью каких механизмов можно выработать некий социальный консенсус по поводу этого пространства. Знаете, есть такая позиция — not in my yard. Когда говорят: «О, отличная вещь, пожалуйста, делайте, только не у меня во дворе». Здесь так не получится: Тучков буян — это my yard для пяти миллионов, уже даже для почти пяти с половиной миллионов жителей Петербурга разного возраста, с разным опытом. Представьте: несколько миллионов человек, и у каждого своя история отношений с этим местом, свои воспоминания.

G: А какие лично у вас отношения с этой территорией?

В. Б.: Например, мой папа всю жизнь в ГИПХе проработал: пришел после выпуска из института и ушел уже на пенсию. Помню, как колонну на майскую демонстрацию строили перед зданием, нам нужно было собираться у входа,— не сказать, что это обеспечивало сильно глубокие отношения с этим местом. Но потом в какой-то момент, еще в Академии художеств, руководитель подкинул идею написать про архитектурные конкурсы и, собственно, про Тучков буян. История этой местности, история конкурсов стали частью моей диссертации, затем книги. Так что к Тучкову буяну у меня скорее академический интерес, чем какие-то нежные чувства, связанные с особыми личными воспоминаниями. Возвращаясь к вопросу о функциональном наполнении — вероятно, лучше понимают ситуацию специалисты по городской недвижимости: они видят, какие функции пользуются спросом, какие нет, могут давать какие-то прогнозы. Но выбор функций для этого места — не самая большая проблема Тучкова буяна. Люди привыкнут ко всему, неважно, кино там устроят, выставочное пространство или «творческие мастерские», два зала на 500 человек или один зал на 1000 человек. Дело в другом: у нас есть фрагмент важной архитектурной панорамы, и нам его могут угробить, а могут... Нет, улучшать там нечего и некуда, хоть бы не испортили! В этом смысле я за чистый ландшафт, без каких-то дополнений, потому что большинство видимых архитектурных вторжений за последние десятилетия в Петербурге только ухудшали качество среды. Увы, пока я в отношении будущего «арт-парка» скорее пессимист.

G: Успех московского парка «Зарядье» не дает вам повода быть оптимистом?

В. Б.: Я боюсь, что с нашим парком будет сложнее, чем с «Зарядьем». И не из-за противостояния Москвы и Петербурга.

Знаете, есть такая петербургская мифология: только петербургские архитекторы умеют строить в этом городе. Но «градостроительные ошибки» последних десятилетий — работа своих, родных, а не московских или иностранных архитекторов-диверсантов. Нужно это признать. А сложнее будет потому, что авторы проекта «Зарядье», как мне кажется, случайно попали в нерв аудитории, что обеспечивает спрос на этот парк сейчас и у москвичей, и у туристов. Стилистически все эти параболические формы, арки «Зарядья» — хорошая аллюзия на советский модернизм конца пятидесятых-шестидесятых. С одной стороны, сверху усердно насаждается ностальгия по великому советскому прошлому, с другой — людям хочется ностальгировать по мягким временам, по «оттепели», по эпохе Гагарина и так далее. Московские дизайнеры отлично это используют: вы приезжаете и видите все эти киоски со шрифтами из 1960-х, полурукописные неоновые вывески. Проблема в том, что в Петербурге этой ностальгии нет совсем: Москва была городом советского успеха, Ленинград — городом внутренней эмиграции. Играть у нас на советских аллюзиях не получится, а попытаться откопать имперскую ностальгию по XIX веку… боюсь, нет таких инструментов, чтобы эту идею грамотно стилизовать. Получится опять так называемый «петербургский контекстуализм», который просто уже вторая, третья, седьмая вода на классическом киселе.

G: Может, стоит пойти от того, чего в Петербурге еще нет? Как вам идея сделать парк для одиночек?

В. Б.: Я дома люблю больше, чем людей, но совершенно не понимаю эту формулировку: «для одиночек». Помните, у Ильфа в «Записных книжках»: «Одинокий ищет комнату. Одинокому нужна комната. Одинокий, одинокий, страшно одинокий. Одинокий с дочерью ищет комнату»? У нас пять миллионов таких одиноких. Нет, я боюсь, что подобные формулировки скорее уводят от социальной осознанности. Если сейчас пойти на проспект Добролюбова и спросить местного жителя: «Что бы вы хотели вон там, через дорогу, в двадцати метрах от вас?» — вряд ли ответ будет: «Я хочу парк для одиноких», «Мне негде остаться одному». Этот конструкт абсолютно не инструментальный. Хорошо, когда архитекторы начинают концептуализировать, но в итоге все эти тонкие рефлексии нужно будет перевести в конкретную форму.

G: Кажется, что само слепое пятно сопротивляется тому, чтобы мы его увидели в новом свете.

В. Б.: Насчет возможности увидеть: внезапно оказалось, что в Петербурге есть потенциальная новая видовая точка. Раньше у каждого горожанина не было шанса посмотреть с высоты десяти метров на Дворцовую набережную и на Стрелку с этого ракурса, и это очень ценная возможность. Посмотрите, как это здорово сработало в «Зарядье»: вы стоите над Москвой-рекой и по-новому смотрите на город. Но это тоже настолько очевидная идея, что любой ландшафтник придет к нашему слепому пятну и, конечно же, скажет: «Давайте сделаем здесь смотровую вышку!» А в целом, у меня есть единственная надежда, что чем бы ни нафаршировали Тучков буян, архитектурно это не ухудшит перспективу. ■

21 → Проблемы северных стран ужасающи — тот, кто изобретет, как обсадить дом деревьями в нашем климате, несомненно, озолотится, но пока надежда только на елки. Изнутри квартира может быть более или менее любой, важно, чтобы она выходила в парк.

Сегодня более или менее понятно, как сделать современный офис. Конечно, это должен быть open-space. Европейская коридорно-кабинетная система ушла в прошлое, американская победила. Это должен быть большой зал, где все сидят вместе, но боже вас упаси ставить компьютерные столы в ряд, один к другому. Они должны стоять свободно, как столики в кафе на площади. И на столах, и между ними надо ставить цветы в кадках и горшках, причем лучше, если расти будет что-нибудь съедобное — лук, скажем, с мандаринами. Офис следует грамотно зонировать — у него должна быть некая главная улица и ветвящиеся от нее резидентные переулки с постоянным местом присадки сотрудников. Несколько мест следует организовать как площади для совещаний, стоячих и сидячих, но не на одинаковых стульях, а чтобы были кресла, пуфики, скамеечки и табуретки, будто это случайно собралось. Места, нерелевантные для прохода сотрудников, стоит засадить травой. В офисе должно быть как можно больше естественного света, а искусственный — приближен к естественному по температуре. Можно запустить разумное количество птиц — попугаев, канареек, колибри. Помимо основных рабочих мест следует предусмотреть места для отдыха — шезлонги и пуфики свободных форм. В офисе обязательно должны быть стойки на манер пляжных баров с кофемашинами, чаем и, возможно, другими напитками и легкими закусками. Стоит предусмотреть спортивную зону — пинг-понг, мини-гольф, возможно, фитнес. Обязательны душ и переодевалки. Покамест я еще не видел проектов офиса с открытым бассейном, но в будущем он, несомненно, появится. Внутри офиса, не отделяя его от основного пространства, стоит ввести актовый зал на манер свободного амфитеатра — для лекций и интеллектуальных игр.

Сегодня более или менее понятно, как делать современный парк. Сегодня парк — это не лес в городе; парк, состоящий только из деревьев, кустов и травы,— это отстой и позавчерашний день. Даже дерево в парке — это не растение, а экспонат зеленого музея. Вы должны вводить в парк спорт, причем так, чтобы тренирующиеся не качались особо, но представляли собой усладу для глаз гуляющих наравне с цветами и живописными деревьями. В парке, разумеется, должны быть кафе, прежде всего с напитками и легкими закусками. Парк без амфитеатра для интеллектуальных игр и свободных лекций — деньги на ветер. И в последнее время появилась тенденция располагать в парках рабочие места — столы и кресла, куда каждый может прийти со своим компьютером и подключиться к парковому вай-фаю. Это могут быть и открытые столы, и крытые павильоны на манер оранжерей на случай дождя. И в том, и в другом случае это должно быть место, где вы одновременно находитесь в одиночестве и на людях, вроде столика в кафе на краю большой площади.

Вас, вероятно, уже тошнит от этого благодушия? Где «Метрополис»? Где Sin City? Где город-ад, в который спускаются за фантастическими богатствами или в поисках смерти? Где борьба страстей? Где город диктаторов и миллиардеров? Где город рабочих трущоб, где в грязи и нищете зреет прекрасное будущее? А вот нет его. Посмотрите тысячи проектов благоустройства во всем мире, просто наберите в Google images запрос на urban design — на вас вывалятся сотни тысяч примерно одинаковых картинок, подобных тем, которые я описал.

АЛЕКСАНДР ПЕТРОСЯН

СПОРТ В КОНЦЕПЦИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ЛАНДШАФТОВ ИГРАЕТ ЗАМЕТНУЮ РОЛЬ

Почему?

Надо сказать, такой поворот оказался несколько неожиданным для урбанистики. Само ее появление не как теории города, а как проектной практики было вызвано реакцией на модернистский город. Тогда Джейн Джекобс воспела традиционную улицу с ее магазинами и кафе, ее камерным масштабом и местным сообществом. Но она вовсе не предполагала, что это сообщество будет лежать на улице в гамаках среди зеленых насаждений и слушать журчание искусственных ручьев и фонтанчиков. Речь шла о возвращении к традиционному европейскому городу с квартальной структурой. Вместо этого возникло нечто иное.

Я бы даже сказал, что неожиданно победил один из изводов индустриального города. Индустриальный город помимо своего основного типа — города-завода — породил некоторые дериваты, и в частности — город-курорт. И это вовсе не курортный городок XIX века, не Брайтон и не довоенная Ницца, это не город для аристократии и буржуазии. Он предполагает пару — город-завод, в котором жители являются дополнением к станкам, но в отпуск массово отправляются оздоровляться. Это город, в котором среда является цехом для производства досуга и оздоровления в массовых масштабах. В нем каждый пятачок норовит превратиться в парк, а каждый парк — в спортивно-музыкально-торговый комплекс. Приемы построения такого города вырвались из приморских санаторных зон и перекочевали в города, которые раньше и думать не думали о подобных садово-парковых ценностях.

Пропуском им послужила экология. Более или менее бессмысленно говорить о том, насколько весь этот экологический дизайн «на самом деле» неэкологичен, сколько энергии и ресурсов требуется для создания этой искусственной природы в городе и как это вредно с точки зрения экологии Земли,— это все разговоры в пользу бедных. Экология тут ведет себя как мода и вера — она требует не расчетов, а символов близости к природе в каждой точке городского пространства. Вопрос в том, насколько такое понимание города, при всей своей сиюминутной наивности, способно к существованию в будущем.

Для этого есть основания. Основа постиндустриального города — обмен (товарами, знаниями, технологиями, услугами, эмоциями, впечатлениями). Главный тормоз обмена — издержки на доверии. Агрессивная городская среда увеличивает эти издержки, поскольку порождает агрессию поведения. Соответственно город-курорт, среда которого продуцирует разнообразные типы расслабленности, максимально и массово снижает эти издержки. Этот город, конечно, friendly до невыносимой степени, но именно это и требуется. Именно так город может конкурировать с социальными сетями, по крайней мере в той их части, где люди постят кошечек.

Это общее соображение, но есть и более конкретное. Этот несколько неожиданный извив архитектурно-дизайнерской мысли соответствует новым ценностям креативного класса. Если вы читали книги Ричарда Флориды, вы, вероятно, заметили некоторую противоречивость жизненной программы правильного креакла. С одной стороны, этот человек всегда креативит, для него нет рабочего дня и времени отдыха, нет отдельно работы и отдельно отпуска, он ест и креативит, спит и креативит, креативит в транспорте — тут нет остановок. Кроме того, он чрезвычайно озабочен состоянием своего здоровья, он все время занимается спортом и анализирует результаты занятий с помощью разнообразных девайсов, а уж как он ест — про это даже говорить не хочется. (Я, кстати, слышал, что вскорости от естественной еды люди откажутся и будут потреблять всякие порошочки и смеси наподобие тех, на которые мы перевели собачек и кошек,— их будут подбирать вам ваши интернет-трекеры по результатам анализа вашего организма, начиная от детского питания и до самой старости.) Так вот креаклы бесконечно работают и бесконечно заботятся о своей эффективности.

С другой стороны, они очень ценят свободу, ориентированы не на карьеру, а на качество жизни, для креативного процесса им необходимы клубы, современная музыка, вещества, меняющие состояние сознания, и разнообразие сексуального опыта, возможности расслабиться и уйти в другую реальность. Как это совместить с идеалом здорового образа жизни, понять трудно, но, вероятно, в будущем путь найдется.

Со своей стороны, я бы сказал, что основная идея креативного класса — это хиппи и яппи в одном флаконе. Отсюда понятно, что работа должна стать досугом, а досуг стать работой, и соответственно офис превратится в парк, а парк — в офис, дом — в офис и парк, улица — в клуб и дом. Мы стоим на пороге гибридизации всех функций типов городского пространства в целом и типов отдельных зданий. И, вероятно, на пороге гибрида между городом и не-городом, городом и лесом. Возможно, это и есть город будущего, и в этом смысле спальные микрорайоны 1960-х, гиперпарк с пятиэтажками, были вовсе не тупиком развития, но открытием пути в будущее. ■

КУДА ПРИВОДЯТ МЕЧТЫ

КОМФОРТНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА ВЛИЯЮТ НЕ ТОЛЬКО НА МИРООЩУЩЕНИЕ ТЕХ, КТО ЖИВЕТ РЯДОМ. ГРАМОТНАЯ РЕНОВАЦИЯ ДЕПРЕССИВНЫХ ПРОСТРАНСТВ С ПРЕОБРАЗОВАНИЕМ ИХ В ПАРКИ ПРИВЛЕКАЕТ В ГОРОДА НОВЫХ ЖИТЕЛЕЙ И ТУРИСТОВ, УЛУЧШАЯ ЭКОНОМИКУ РЕГИОНА И СТРАНЫ. ВЕРОНИКА ЗУБАНОВА

У топ-10 парков мира, введенных в строй в последние несколько лет и изменивших все, есть нечто общее. Прошлое соединяется с будущим, но история у каждого своя — как и перспективы, заложенные идеями проектировщиков.

BARANGAROO RESERVE (СИДНЕЙ, АВСТРАЛИЯ, 2015)

ПРИРОДНЫЙ ОАЗИС В ОКРУЖЕНИИ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ

Концепция: PWP Landscape Architecture

Район Барангару, в котором расположен одноименный парк,— прекрасный пример освоения бывших промышленных территорий в центре города: старейший индустриальный объект Сиднея (здесь более 130 лет работала судоверфь) по решению правительства Нового Южного Уэльса превратился в зону офисов, развлечений и отдыха.

Район, в котором в доколониальные времена местное население промышляло охотой и рыбалкой, а с середины VIII века «дети разных народов» вкалывали на доках и судоверфях, в разные времена назывался по-разному. Но в 2007 году (вскоре после решения о реновации) был переименован в Барангару — по имени влиятельной женщины-аборигена, которая участвовала в переговорах с колонистами. Редевелопмент «разделил» его на три зоны: в Южном Барангару (его уже называют Гаванью небоскребов) разместились башни с офисами крупнейших корпораций, торговые точки и общественные пространства. В Центральном Барангару — малоэтажные жилые и коммерческие здания, а также казино. Местом отдохновения от бизнеса стал заповедник Барангару — природный парк на месте бетонного контейнерного терминала. Он расположен на береговой линии площадью 22 га между историческим районом The Rocks и популярным туристическим Darling Harbour, в пешей доступности от таких достопримечательностей-ветеранов, как Сиднейская опера и мост Харбор-Бридж.

Стивидорные объекты были перемещены, участок рекультивировали, используя при этом подручные материалы: так, для формирования мыса были повторно использованы кессоны и асфальт из контейнерного порта. Береговую линию сформировали заново, вернув ей оригинальные доколониальные и доиндустриальные очертания, воссоздав мыс Club Cape и открыв городу водную гладь. Символическую «первоначальную» линию обозначает невысокая «Стена 1836 года», которая разделяет пешеходные и велосипедные дорожки. При этом полностью от индустриального прошлого решили не уходить: обнаруженные во время реконструкции стапеля первой верфи, построенной в 1820-х годах, были восстановлены и оставлены в качестве исторических реликвий.

Новый ландшафт парка, в том числе приливные каменные заводи, создали из 10 тыс. блоков (37 тыс. кубометров) хоксберийского песчаника, добытого прямо на месте. Образовавшееся при добыче песчаника обширное пустое пространство под искусственным мысом предназначено для размещения художественных выставок и культурного центра коренных народов, здесь можно проводить различные мероприятия. Под землей скрывается и автомобильный паркинг, из которого на поверхность можно попасть на лифте либо пешком. По всему парку стоят таблички, указывающие дорогу,— они очень помогают ориентироваться. Парк открылся в 2015 году и пользуется популярностью у туристов и местных жителей: здесь активно занимаются спортом.

ДОСЬЕ: PWP Landscape Architecture (Peter Walker and Partners) — калифорнийское бюро ландшафтной архитектуры, созданное знаменитым Питером Уокером. В портфолио PWP Landscape Architecture — штаб-квартира транснациональной фармацевтической корпорации Novartis в Базеле (2007): индустриальная территория площадью более 200 тыс. кв. м на берегу реки Рейн, окруженная старыми железнодорожными путями, превратилась в современный (в основном пешеходный) кампус с открытыми парками, зеленью на крышах и арт-объектами. А одна из самых знаковых работ — Национальный мемориал 9/11, посвященный жертвам террористической атаки 11 сентября 2001 года на Всемирный торговый центр (совместный проект с Майклом Арадом).

CULTUURPARK WESTERGASFABRIEK В АМСТЕРДАМЕ (НИДЕРЛАНДЫ)

GOVERNORS ISLAND (НЬЮ-ЙОРК, США, 2016)

ОТ АБОРИГЕНОВ И ВОЕННЫХ — К СОВРЕМЕННОМУ ИСКУССТВУ

Концепция: West 8

До 1624 года коренные американцы называли то, что теперь известно как «Остров губернаторов»,— «Ореховым островом» (Pagganuck), из-за обилия деревьев гикори, дубов и каштанов. До прихода Голландской Вест-Индской компании здесь размещались сезонные рыбацкие лагеря местных племен. Голландские поселенцы, не сразу отважившись на освоение казавшегося им огромным острова напротив (нынешнего Манхэттена), построили здесь крепость и лесопилку. Свое нынешнее имя остров получил в 1699 году от британцев, «зарезервировавших» его для размещения губернаторов Его Величества. В 1750 стал частью британской территории округа Нью-Йорк — и долгие годы служил нуждам форта и гарнизона британской короны. После Американской революции эти земли унаследовал штат Нью-Йорк. Молодое правительство укрепило гавань и построило форт на возвышенности в центре острова. С 1800-го остров принадлежал военным, с 1960-х — береговой охране. Кстати, в начале XX века он изрядно увеличился в размерах за счет камней и земли от строительства городского метро. А в 1988 году именно здесь Рональд Рейган провел заключительную встречу с Михаилом Горбачевым. В конце XX — начале XXI века остров избавился от статуса режимного объекта: было принято решение использовать исторический памятник в общественных целях. В 2007-м началась реконструкция. Согласно планам известной фирмы ландшафтной архитектуры West 8, часть зданий снесли, чтобы сформировать открытые пространства (их обломки позже использовали в строительстве The Hills). Первая очередь открылась для публики в 2014 году: было восстановлено питьевое водоснабжение, оборудованы места для сидения, зоны отдыха (Hammock Grove), игр (Play Lawn, хедж-лабиринт), общественного питания (Liggett Terrace) и др. В домах бывших офицеров организовали свободное пространство для художников, культурных и развлекательных организаций.

Последний этап проекта The Hills («Холмы») открылся в 2016-м: 10 га наклонных ландшафтов предоставили жителям и туристам горки, арт-объекты и уникальную 360-градусную панораму гавани. Проект состоит из четырех тематических холмов: Grassy Hill (травяной) — самый пологий и идеально подходит для релакса и «тихого» отдыха, Slide Hill — для игр и катания с горок (их здесь четыре, в том числе и самая длинная в Нью-Йорке). Холм Discovery посвящен созерцанию (в том числе «Хижины» — установленной здесь скульптуры британской художницы Рейчел Уайтрид). А самый высокий, Outlook Hill, по сути, является главной смотровой площадкой, подняться на которую можно по Scramble — тропе из восстановленных гранитных блоков морской дамбы. Холмы были построены из переработанного строительного мусора, наполнителя и легкой пемзы, скрепленных арматурой. А кустарники, деревья и газоны были организованы таким образом, чтобы бороться с эрозией и улучшать сопротивляемость погодным условиям и повышению уровня моря. С открытием «Холмов» посетители получили доступ к променаду вокруг всего острова и Picnic Point, который был закрыт с 2012 года.

ДОСЬЕ: Голландское архитектурное бюро West 8 разрабатывает и реализует проекты по всему миру: Schouwburgplein (Роттердам, Нидерланды), Chiswick Park и Jubilee Gardens (Лондон, Великобритания), Lincoln Park — SoundScape (Майами, США), Yongsan Park (Сеул, Южная Корея), Garden of 10 000 Bridges на Международной садоводческой выставке (Сиань, Китай), линейный парк La Sagrera (Барселона, Испания) и реконструкция прибрежной зоны Playa de Palma (Пальма-де-Майорка, Испания), парк культурного района Западный Коулун (Гонконг) и другие.

ШЭНЬЧЖЭНЬСКИЙ ПАРК ТАЛАНТОВ (ШЭНЬЧЖЭНЬ ШИ, КИТАЙ, 2017)

МОРСКОЙ ПОКОЙ В ГОРОДЕ АЙФОНОВ

Концепция: AUBE

Сосед Гонконга и Макао Шэньчжэнь — молодой город «без истории» (хотя живут

здесь с IV века): он существует всего 40 лет, но при этом стремительно развивается, являя живой пример того, что мы называем «китайским экономическим чудом». Сегодня Шэньчжэнь знаменит своими высотками, отраслевыми выставками и производством электронной и электротехнической промышленности (большая часть iPhone и iPad выпускается именно здесь, а еще тут находятся штаб-квартиры телекоммуникационных гигантов Huawei и ZTE). При всей урбанизированности, город имеет довольно много рекреационных зон (что облегчает существование в мегаполисе), его называют столицей тематических парков Китая. Один из них — Парк талантов, самый большой городской парк в районе Хоухай.

Передовые технологии коснулись и организации городской среды: еще недавно здесь было море, а теперь часть его стала «паркообразующим» элементом — большим озером (300 тыс. кв. м). Основная идея: вода происходит из моря, проходит через парк и становится частью города. Дизайн это подчеркивает: пространство «течет», углы сглаживаются расслабленными кривыми, границы размываются с помощью декоративных растений, водная гладь отражается в пластике элементов покрытий и малых архитектурных форм. Да и сам парк постепенно перетекает в тихую набережную, где уже нет специальных общественных пространств, но много зелени.

Течет не только вода, но и время: в разных частях парка с помощью разных растений созданы четыре сезона: весна, лето, осень и зима. Парк разделен на несколько зон, опознаваемых по материалу покрытий и архитектурно-ландшафтным приемам: к берегу примыкают неширокие дорожки из террасной доски с подпорными стенками из натурального камня; пешеходные дорожки с тротуарной плиткой разных форматов «текут» через высокие травы и цветущие кустарники; беговая дорожка выделена мягким синим покрытием. Участки пешеходной дорожки выходят к воде в виде пирсов или небольших смотровых площадок, большие скамейки для отдыха и пикников у прогулочных троп защищены от солнца и осадков навесами.

Основная тема парка — талант. Она выражена не только в нескольких скульптурных группах парка, но и в том, что каждый может открыть в себе какой-нибудь талант: на беговой дорожке, на детской площадке с белым морским песком, на лугу у воды (он как магнитом притягивает начинающих художников), да и просто на прогулке. При этом эстетическая и идеологическая составляющие не мешают (а наоборот, помогают) комфорту посетителей. Потоки движения грамотно разделены, система навигации оригинальна (форма элементов заимствована у лепестков растений, каждый из них имеет свою геометрию и цвет) и понятна. Рядом с игровыми площадками и беговыми дорожками установлены умывальники, где можно помыть ноги и руки от песка или освежиться после пробежки.

ДОСЬЕ: AUBE (Ou Bo) — ведущая международная компания, основанная в Париже и имеющая представительство в Китае. Среди многих «зеленых» проектов примечательны «Эко-Плаза» Overseas Chinese Town Ecological Square, где был впервые в Китае реализован принцип «три в одном» (ландшафт, планирование, архитектура); пляжный парк Shenzhen Bay Neihu Park, получивший массу наград; а также «сад транспортного хаба» — грандиозный «досуговый пояс» Шеньчженьского Международного конгрессно-выставочного центра с парком развлечений, экологической фермой, детскими и спортивными площадками, творческим рынком и пространством для временных выставок.

ПАРК ХУСЕЙНА БЕН ТАЛАЛА В ГРОЗНОМ (ЧЕЧНЯ)

МУЗЕЙ РИСА ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ (ПРОВИНЦИЯ ХУНАНЬ, КИТАЙ, 2017)

СЕЛЬХОЗРАБОТЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДЕКОРАЦИЯХ

Концепция: Turenscape

Долгие десятилетия в этом районе китайской провинции Хунань не происходило ничего примечательного: крестьяне просто возделывали рис в пойме озера Дунтин. Пока археологические раскопки не возвестили о том, что история Ченгтушана восходит к неолиту: именно здесь появился самый первый город в Китае и впервые был выращен рис.

Место получило статус «национального наследия», но крестьян это не очень обрадовало: на них же и возложили обязанности защищать «охраняемые земли» от разрушения. Первый проект «археологического парка» был не очень удачным, поэтому несколько лет назад его было решено переосмыслить.

Специалистами Turenscape были приняты три стратегии для защиты и преобразования ландшафта Ченгтушан. Во-первых, отдавая дань 6500-летней истории этого сельскохозяйственного района, археологические раскопки были сохранены: круглый город, окруженный рвом, дает возможность посетителям представить, какой была жизнь в древности. Во-вторых, основная часть парка за пределами охраняемого ядра была превращена в открытый музей риса. Здесь получают два урожая риса различных сортов в год, и наряду с ним на берегах каналов и водно-болотных угодий (они регулируют ливневую воду и доставляют питательные вещества) выращивают другие местные растения и деревья, которые не затеняют поля с солнцелюбивым рисом, но создают комфорт на маршруте для посетителей в жаркие летние месяцы. В-третьих, в парке появился стеклянный мост на высоте 4 м над землей, чтобы можно было увидеть и сфотографировать археологические раскопки. Стеклянные панели пропускают солнечный свет, чтобы не навредить растениям под ним, и превращают обычную прогулку в увлекательное приключение, а монотонный и скучный сельскохозяйственный пейзаж — в захватывающие картинки. Причем интерактивные: если место археологических раскопок закрыто для посещений, то поля являются активными и постоянными «участниками» действа. Мост в качестве смотровой площадки позволяет городским посетителям наблюдать за посадкой риса, прополкой и уборкой урожая, а при желании можно даже помочь трудолюбивым фермерам в работе. Пешеходные дорожки с решетчатыми балюстрадами спроектированы таким образом, чтобы солнечный свет проникал к посевам.

Проект казался очень успешным, он привлекает туристов, желающих побольше узнать о своих далеких предках и о происхождении пищи, которую они едят каждый день. Архитекторы получили премию World Landscape of the Year 2017, а бедный сельский регион — значительные экономические выгоды.

ДОСЬЕ: Китайская ландшафтно-архитектурная фирма Turenscape прославилась обустройством удивительных парков: Zhongshan Shipyard Park, QunLi Stormwater Park, Yongning River Park, Tianjin Bridge Gardens и других. В 2015 году они получили World Landscape of the Year за преобразование парка водно-болотных угодий в провинции Чжэцзян. За пределами Китая они также реализовали несколько проектов: городской парк в Бостоне (0,5 га), городской парк в Сиэтле (0,6 га), генеральный план с ландшафтным решением для курорта в 500 га на острове Бали. Бюро участвовало в ряде конкурсов на значимые российские объекты («Зарядье», «Сокольники», концепция развития прибрежных территорий Москвы-реки), но реализовать пока удалось лишь один проект — главной набережной Казани (2018).

ПАРК «КРАСНОДАР» (КРАСНОДАР, РОССИЯ, 2017)

АРХИТЕКТУРНЫЙ ПАРК СО СПОРТИВНЫМ УКЛОНОМ

Концепция: gmp Architekten von Gerkan, Marg und Partner

Краснодар — один из самых быстрорастущих городов России, «Краснодар» — футбольный клуб, которому очень повезло с болельщиками. С одним конкретным болельщиком — миллиардером Сергеем Галицким, который на собственные деньги выстроил для клуба современный стадион и парк вокруг него. Причем парк современный и очень «некраснодарский» и «нероссийский» (что неудивительно, учитывая заслуги привлеченных проектировщиков) — в хорошем смысле. Это не кусочек природы в городе, а настоящий архитектурный объект, в котором при этом есть чем заняться.

Территория в 22,7 га разделена на 30 различных зон, среди которых амфитеатр (концертный зал и кинотеатр под открытым небом), террасированный сад, фонтан (зимой трансформирующийся в каток), песочница с горками, веревочный парк, скалодром, музыкальный и водный лабиринты, площадка для уличного баскетбола и скейтпарк.

У парка сложный, многоуровневый рельеф с каньонами и холмами, узкими дорожками и широкими аллеями (они нужны, чтобы обеспечить безопасность болельщиков на выходе со стадиона) — это не только красиво выглядит на картинке, но и не надоедает при прогулке. За строгими геометрическими линиями и оригинальной архитектурой стоят серьезные инженерные решения. За стенами и дорожками, холмами, водными пространствами и газонами скрываются шахты, резервуары для воды на тысячи кубометров, километры электрических кабелей, газопровод, теплосети, свайные поля, водопроводы, мощные фундаменты, дренаж и др.

Парк симметрично-радиальный, мелких деталей мало, цветовая гамма, можно сказать, отсылает к ФК «Краснодар» — все оттенки черного и зеленого. ➔ 26

25 → Породы камня используются не местные: специальные сорта морозостойких мраморов, шифера со свойствами, близкими к граниту, плотных известняков и ракушечников. Деревья тоже: редкие сосны бонсай, дикие сливы, туя, робиния, гинкго… Ландшафт, архитектура, материалы, растения и даже геометрия дорожек — все подчеркивает «инаковость» пространства, отличие его от окружающей застройки, обособленность от города не только топографическую, но и философскую.

Тем не менее и стадион, и парк, несмотря на отдаленное расположение, сразу стали достопримечательностями Краснодара. Эксперты включают новый парк в топ-3 российских (с «Зарядьем» и «Новой Голландией»), а в год открытия он попал на первое место в рейтинге лучших проектов известного блогера Ильи Варламова.

ДОСЬЕ: Немецкое архитектурное бюро gmp впервые прозвучало на мировом уровне еще в 1975 году, когда для аэропорта Берлин-Тегель они спроектировали терминал, куда можно было въехать на автомобиле. За полвека Майнхард фон Геркан, Фольквин Марг и их партнеры реализовали более 320 объектов. Среди них — реконструкция Олимпийского стадиона в Берлине и Олимпийского стадиона в Киеве, строительство стадионов к ЧМ-2010 и ЧМ-2014 в ЮАР и Бразилии, спортивный парк в Фошане (Китай), реконструкция табачной фабрики в Болонье с частичной реставрацией и превращением в современный технопарк.

ROLAND FISCHER

МФО (MASCHINENFABRIK OERLIKON PARK) В ЦЮРИХЕ (ШВЕЙЦАРИЯ) НА МЕСТЕ БЫВШЕГО ЗАВОДА ПО ПРОИЗВОДСТВУ ДВИГАТЕЛЕЙ

AMSTERDAM BATTERY PARK (КЕЙПТАУН, ЮАР, 2018)

ПЕРЕПАДЫ УРОВНЕЙ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПУШКИ

Концепция: dhk Architects

Городской Battery Park площадью 1,2 га, расположенный у главного входа на набережную Виктории и Альберта в Кейптауне (V&A Waterfront — одно из самых посещаемых туристических мест Африки),— это и зеленая зона, и скрытая от глаз парковка на 1206 мест, и новые пешеходные маршруты, и площадка для активного отдыха.

Участок имеет историческое значение: здесь сохранились остатки одного из старейших сооружений города. Амстердамская батарея была установлена голландцами вдоль береговой линии Кейптауна в 1784 году, чтобы защитить город от морских и наземных нападений. В 1800-х годах здание использовалось для размещения заключенных, а затем было реконструировано и укреплено англичанами, но в конечном итоге заброшено. В 1905 году большую часть батареи снесли, чтобы освободить место для железнодорожного сообщения с портом,— остались лишь фрагменты задних изогнутых стен. Цель архитектурно-градостроительной фирмы dhk состояла в том, чтобы создать общедоступный парк, который лежит в центре множества новых пешеходных маршрутов, вписать его в окружающую городскую структуру и тем самым оживить этот депрессивный район.

Различные архитектурные и ландшафтные элементы отражают первоначальный отпечаток конструкции: полукруглые изогнутые дорожки, бетонные пристройки к задним валам, «распахнутые» навстречу каналам стены — все это дает посетителям представление о прежних размерах батареи. Была также сохранена осевая визуальная связь с Noon Day Gun на Сигнальном холме — пушкой XVIII века, из которой ежедневно производят полуденный выстрел.

Проблема проектировщиков заключалась в том, что исходная точка внутреннего двора батареи находится на высоте восьми метров над новым каналом, проходящим через участок на более низком уровне. Таким образом, центр парка приподнят (с него открываются виды на набережную V&A и центральный бизнес-район CBD), большая бетонная лестница ведет от площади к парку, и постепенно его уровень опускается к краю канала. Наверху — ландшафтные сады, извилистые дорожки со скамейками, бетонный скейт-парк, баскетбольная площадка и новые пешеходные маршруты. Внизу — бутики, обращенные к каналу. Соединяет парк, площадь и парковку (с помощью внутренних лифтов) павильон из сборного железобетона высотой до предполагаемого уровня первоначальных стен батареи. В этом павильоне выставлены исторические пушки Амстердамской батареи, найденные Ассоциацией пушек Южной Африки и сохраненные для развития парка,— в стене, обращенной к каналу, сделали отверстия, похожие на амбразуры.

Палитра материалов включает в себя бетон, камень и сталь. Причем камень добыт здесь же во время раскопок и строительства. А бетон был выбран в качестве «материала нашего времени» для новых конструкций, поскольку его легко отличить от исторических элементов.

ДОСЬЕ: dhk Architects специализируется на сохранении исторических памятников и адаптации их к потребностям современной жизни. При этом фирма проектирует самые разные объекты: промышленные, правительственные, объекты здравоохранения, культурные и общественные центры, а также инфраструктурные объекты для гидротехнических сооружений. В портфолио компании, например, детский зоопарк Франклин-парка в Бостоне (США) с открытым театром, фермой и водными объектами; пляжные центры Sandy Hook в Национальной зоне отдыха Gateway в Нью-Джерси (включая реализацию мер по защите от наводнений); общественный Табер Парк на набережной на мысе Кларка в Нью Бедфорде в Массачусетсе с пешеходными, беговыми и велосипедными дорожками, пляжем, рыболовным пирсом, детской площадкой, общественными лодками и площадками для пикников — также в зоне угроз наводнений.

TUMBALONG PARK DARLING HARBOUR (СИДНЕЙ, АВСТРАЛИЯ, 2018)

ПРОСТРАНСТВО-ТРАНСФОРМЕР В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ СТИЛЕ

Концепция: HASSELL

Tumbalong park — часть масштабного проекта по преобразованию исторической гавани Дарлинг Харбор (Darling Harbour). Это одна из крупнейших за последние 20 лет инициатив по обновлению города. Район носит имя генерал-лейтенанта Ральфа Дарлинга (Ralph Darling), который был губернатором штата Новый Южный Уэльс, с 1826 года. Европейцы также называли гавань Длинной бухтой (Long Cove), а более раннее название звучит как Кокл Бей (Cockle Bay — «Залив моллюсков») — его недавно вернули как дань уважения к истории и коренным жителям: аборигены называли прибрежные земли Tumbalong — «место, где находятся морепродукты».

Исторически район был промышленным: здесь располагались пассажирские и контейнерные терминалы, железнодорожные и автомобильные пути, станции сортировки грузов и прочее. В 1980-х земли решено было приспособить под общественные нужды: построили Sydney Convention & Exhibition Center (в нем в 2000 году прошла летняя Олимпиада), монорельсовую дорогу (в 2013-м ее демонтировали), Sydney Entertainment Center, Sega World Sydney и IMAX театр — все они тоже уже в прошлом. Ибо по новому плану, согласно которому Дарлинг Харбор должен стать чем-то вроде нью-йоркского Манхэттена (особенно в том, что касается Уолл-стрит), им на смену пришли ICC Sydney (Международный конференц-центр Сиднея), торговые центры, галереи, уникальный кинотеатр, где можно посмотреть фильмы в объемном изображении и со стереоэффектами IMAX, и масса мест, которые жители и туристы могут использовать для общения, отдыха и развлечений. Причем как в повседневном режиме, так и в дни проведения крупных (в том числе международных) мероприятий: один и тот же участок может легко трансформироваться под разные функции. Так, мелководные бассейны для детских игр на площадке перед Китайским Садом Дружбы отключаются, если нужно освободить место для ярмарки или концерта. Аквариум, корабль, музей мадам Тюссо, политехнический музей и, конечно, рестораны — как без морепродуктов!

Проект оптимизировал транспортные потоки (пешеходные, велосипедные и общественного транспорта) внутри квартала и облегчил сообщение с другими районами. А между Центральным вокзалом и Кокл Бэй появился пешеходный бульвар с эвкалиптами. В парке высадили 650 новых деревьев, а общая площадь озеленения достигла 9 тыс. кв. м. Причем часть зелени превратилась в арт-объекты (чего стоит 600-метровый «пейзаж» из местной флоры), кои и без нее присутствуют в больших количествах: скульптуры, аудио- и визуальные инсталляции и прочее. В ходе реновации был восстановлен фонтан знаменитого «фонтанного мастера» Роберта Вудворда «Приливные каскады».

В проекте использованы решения и подходы WSUD (Water Sensitive Urban Design, подразумевающие разумное управление водными ресурсами с учетом особенностей ландшафта и климатических условий), что позволило ему получить «шесть звезд» в рейтинге Green Star Communities Совета по экологическому строительству Австралии.

ДОСЬЕ: На счету австралийского бюро HASSELL — парк госпиталя Фиона Стэнли (Австралия), где дизайн и ландшафт играют ключевую роль в восстановлении пациента; торгово-развлекательный комплекс, «вырастающий из воды» посреди озера в Чунцине (Китай); интерьер главного офиса крупной страховой компании в Мельбурне с «обтекающими» пространство лестницами, атриумом и зеленью (включая сад со съедобными плодами); а также «офисный хаб» для известного японского

бьюти-бренда в Сингапуре — громадное пространство (более 6 тыс. кв. м) с ковриками татами, «плетеным» узором на деревянном полу и садом бонсай.

ПАРК ХУСЕЙНА БЕН ТАЛАЛА (ГРОЗНЫЙ, РОССИЯ, 2018)

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО С ЭТНИЧЕСКИМ КОЛОРИТОМ

Концепция: Snohetta и «КБ Стрелка»

Современная столица Чечни выстроена практически с нуля: после региональных конфликтов, последовавших за распадом Советского Союза, город был почти полностью разрушен. Кроме того, во время войн погибло много деревьев. Печальной участи не избежал и парк, носивший ранее имя Павла Мусорова: вся инфраструктура, кроме небольшой спортивной площадки и старых дорожек, была разрушена. В 2011 году территорию переименовали в честь короля Иордании (с 1952 по 1999 годы) Хусейна бен Талала, а к 2018 году он полностью преобразился.

Алгоритм проектирования включал в себя пять этапов: комплексный территориальный анализ, дизайн-проект и полную проектную документацию с последующим проектным и строительным надзором. Жители Грозного имели возможность ознакомиться с планами реконструкции парка до начала работ. Этот опыт был новым для постсоветского пространства.

Функционально зонируя территорию, архитекторы опирались на существующие сети «народных троп», созданные местными жителями (парк в последние годы находился в запустении и был проходным местом). Вдоль пешеходных троп, для мощения которых использовали гранитный отсев и бетонную плитку, высажены вишня, абрикос, слива, орех и другие плодовые деревья. Для ухода за растениями была спроектирована система автополива. Отдельно было проработано освещение парка: метровые ландшафтные светильники, шестиметровые торшеры и одиннадцатиметровые опоры освещения проезжей части вдоль парка. Кроме того была реализована подсветка набережной и пешеходных мостков через пруд.

Помимо зон отдыха, детских и спортивных площадок, в парке появились скейт-парк, искусственный водоем и амфитеатр для проведения как общественных мероприятий, так и собраний местного сообщества.

Проектировщикам пришлось учесть, что Грозный — город с 90-процентным мусульманским населением и многие объекты в нем (пляжи, фитнес-клубы, бассейны) делятся на мужские и женские. Так, кататься на велосипедах или заниматься спортом женщины могут только отдельно от мужчин. Местные религиозные особенности наложили свой отпечаток и на другие инфраструктурные объекты, и на дизайн. Парк оборудован молитвенными комнатами, площадь перед амфитеатром украшена традиционной чеченской плиткой, а на беговой дорожке выгравирована большая надпись «Бег» на чеченском языке.

Парк Хусейна бен Талала — часть программы «Города будущего» Минстроя России, «ДОМ.РФ» и «КБ Стрелка» по преобразованию общественных пространств в 40 городах России. Это первая со времен СССР программа по переосмыслению общественного пространства в соответствии с мировыми тенденциями и стандартами.

ДОССЬЕ: Норвежская мастерская Snøhetta известна разработкой дизайна денежных банкнот в Норвегии, а также реализацией знаковых проектов, среди которых реконструкция Таймс-Сквер в Нью-Йорке, новая Александрийская библиотека в Египте, штаб-квартира газеты Le Monde в Париже, оперный театр в Осло, комплекс Swarovski Kristallwelten в Австрии, новое крыло Музея современного искусства Сан-Франциско, Центральная библиотека Калгари, Подводный ресторан Under в Норвегии.

«КБ Стрелка» выступает оператором российских и международных архитектурных конкурсов. В 2013 году «КБ Стрелка» организовала и провела международный конкурс на разработку ландшафтно-архитектурной концепции парка «Зарядье», который вошел в список лучших мест мира по версии журнала Time. Большинство проектов реализовано или находится в стадии реализации.

BROOKLYN BRIDGE PARK (НЬЮ-ЙОРК, США, ЗАВЕРШЕН НА 90%)

ФУТБОЛЬНЫЕ ПОЛЯ НА ПИРСАХ В ОКРУЖЕНИИ ВОДЫ

Концепция: Michael Van Valkenburgh Associates (MVVA)

Еще недавно здесь не было никакого парка. Вернее, были два небольших парка между Бруклинским и Манхэттенским мостами (Эмпайр-Фултон-Ферри-парк и Мэйн-Стрит-парк) — но недолго, и теперь они вошли в состав новой набережной — в итоге получилась зеленая полоса вдоль пролива длиной 2,1 км.

С середины XVII века, когда была открыта первая паромная переправа, и до середины XX века большую часть Бруклинской набережной занимали склады на опорах, магазины, железнодорожные пути, пирсы и ангары. Как ни странно, постепенное развитие района привело в какой-то момент к его депрессии: появление мостов поставило крест на переправе, а жилая и промышленная застройка (в том числе эспланады Бруклинских высот и скоростной автомагистрали BQE) перекрыли доступ к набережной. Реновация этого пространства обсуждалась с 1984 года (вскоре после закрытия грузовых судов на этом участке набережной администрация порта приняла решение о продаже свободных пирсов для коммерческого развития) до 2010-го: план развития территории, созданный выбранной в качестве проектировщика MVVA, неоднократно менялся.

Тем не менее, уже в 2010-м парк частично открылся: набережная, газоны, игровая площадка, Гранитный проспект, волейбольные поля и прочее. Первый пирс (самый ближний к мосту) и открылся первым: искусственные холмы, лужайки с перекатами, рощицы и даже солончак (на детских площадках вместо цветастых пластиковых городков — деревянные конструкции). Второй пирс превратили в спортивный комплекс (тренажеры, роликовый каток, площадки для баскетбола и гандбола, игры в бочче и шаффлборд), между ними летом работает небольшой открытый бассейн. Лужайки третьего пирса оградили от шума шоссе искусственным холмом, а четвертый вовсе разобрали, но на его месте устроили маленький песчаный пляж, где можно спустить на воду каяк или весельную лодку. На пятом пирсе — огромное футбольное поле, столы для пикников с грилями и оборудованные места для рыбалки. Через все пирсы проходит велодорожка, на концах пирсов обустроены «видовые газоны»: Bridge View Lawn, Harbor View Law, ибо, по словам Марка Валькенбурга, в парке главное — река. Но есть и детский Dumbo (где внутри стеклянного павильона архитектора Жана Нувеля крутится карусель 1922 года, а общению с миром способствуют интерактивные технологии XXI века), и превращенный в театр исторический Табачный склад (по проекту оригинальные стены были сохранены), и жилые комплексы (в 2017 году пентхаус здесь был продан за рекордные $19,2 млн). Сейчас парк готов на 90%, и в нем есть место для всех: детей и взрослых, на роликах и велосипедах или в инвалидных колясках, с друзьями и «друзьями меньшими», поклонников искусства и любителей природы.

Проект включает в себя множество утилизированных материалов (стальные решетки и дерево бывших складов стали материалами для новых конструкций), использует существующую морскую инфраструктуру, упрощая инженерные решения и снижая затраты на строительство и обслуживание. Шум от дороги BQE блокирует земляной вал, густо засаженный растениями.

MVVA удалось сохранить монументальный характер промышленной набережной, в то же время дать толчок новой экологии площадки, которая может процветать и развиваться в городских условиях интенсивного использования.

ДОССЬЕ: Michael Van Valkenburgh Associates участвовали в реализации проекта висячего парка на эстакадах и насыпях старой железной дороги Bloomingdale Trail в Чикаго, обустраивали кампусы Гарвардского и Пенсильванского университетов, создали более двух десятков проектов парков и садов, в том числе Allegheny Riverfront Park в Питтсбурге, Chelsea Waterside Park Playground в Нью-Йорке, Teardrop Park на территории Battery Park City в Нью-Йорке, Straitsview Farm на острове Сан-Хуан в Вашингтоне, Сад Монахов в Музее Изабеллы Стюарт Гарднер в Бостоне, Hoffman Garden в Далласе. А в проекте Harold Simmons Park для поймы реки Тринити в Далласе архитекторы MVVA в тесном сотрудничестве с инженерами даже наводнения и штормы «укрощают» и превращают из стихийного бедствия в захватывающее зрелище. ■

HAMILTON LUND

BARANGAROO RESERVE В СИДНЕЕ (АВСТРАЛИЯ). БЕТОННЫЙ КОНТЕЙНЕРНЫЙ ТЕРМИНАЛ ПРЕВРАЩЕН В ОЗЕЛЕНЕННЫЙ СКАЛИСТЫЙ ЛАНДШАФТ — ПРИБРЕЖНЫЙ ПАРК НА ШЕСТЬ ГЕКТАРОВ СО СМОТРОВЫМИ ПЛОЩАДКАМИ, ПЕШЕХОДНЫМИ И ВЕЛОСИПЕДНЫМИ МАРШРУТАМИ, МЕСТАМИ ДЛЯ ПИКНИКОВ И БУХТАМИ ДЛЯ СОЗЕРЦАНИЯ

ТЕМАТИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ ОТПЕЧАТАНЫ В ООО «ТИПОГРАФСКИЙ КОМПЛЕКС «ДЕВИЗ», 119027, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, УЛ. ЯКОРНАЯ, Д. 10, КОРПУС 2, ЛИТЕР А, ПОМЕЩЕНИЕ 44. ЗАКАЗ № ГД-6634

реклама 6+

архитекторы.рф

доступные знания и навыки по развитию городов и территорий

Офлайн-программа

Онлайн-курсы

Публичные лекции и семинары

Конференция «Архитектор будущего»

Издательская программа

Блог

При поддержке:

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

При поддержке:

МИНСТРОЙ РОССИИ

Стратегический партнёр:

ДОМ РФ

Программа разработана:

STRELKA INSTITUTE